

АЛЕКСЕЙ НАВРОВ

РУНЫ
НА БРОНЕ

Алексей Лавров
Руны на броне
Серия «Магия Гардарики», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69696661
А. Лавров. Руны на броне:*

Аннотация

Артём нежно любит Катю, отважно дерётся на дуэлях, бесстрашно идёт по пути рыси и прилежно учится в кадетском Корпусе. Он становится настоящим боярином и вступает в мире магии во Вторую Мировую Войну.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	65
Глава 5	86
Глава 6	108
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Алексей Лавров

Руны на броне

Алексей Лавров

* * *

Глава 1

Во время написания первой книги пытливый читатель просто одолел претензиями, особенно по Европе – где там Польша и вообще что творится. Вот вторую книгу вынужденно начинаю с этих запутанных, но волнительных вопросов.

Ну, очертания Европы все себе хорошо представляют? Поверх картинку нарисует 7 % территории Земли и 11 % населения. Причём это до Урала. Интересно устроены европейские мозги. Русские для них не европейцы, но их территорию и их самих включаем в статистику.

И вовсе это не потому, что я не люблю Европу! Разве с цифрами, даже натянутыми, кто-то спорит? Вполне симпатичные цифры. А вот то, что эти 11 % населения с 7 % территории творили во всём мире... гм... ну, это ведь уже история!

Но это, так сказать, в целом, чтобы прояснить пламенную свою любовь к европейцам. И ещё должен указать, что это альтернативная история и фантастика, то есть не на самом деле – я чисто как художник всех этих европейцев вот в этом самом положении видеть хотел. Не обессудьте.

Итак, переходим к деталям. Начнём, как водится, с Польши. Поляки много о себе думают, придумывают исторические миссии и строят планы, но главное назначение их стра-

ны быть, а их самих терпеть.

Даже в реальной истории большие страны, только избавились от тупых монархов, сразу восстановили Польшу, и она приступила к главному своему предназначению быть буфером. Просто большие страны тогда не чувствовали себя в форме, чтобы прямо выяснять отношения. Ну, а когда почувствовали, Польшу тупо упразднили.

Но это в магически отсталой реальности, где русские цари что-то долго полякам объясняли. Маги же Гардарики со своими-то говорили мало, а уж прочие им никуда не упёрлись.

Потому несла Польша в магической реальности свою грустную ношу быть и терпеть. Не хотелось княжествам содержать на границах слишком больших гарнизонов и иметь серьёзное дело с немцами.

Регулировалось оно набегамии против Польши степняков, когда много о себе думали поляки. Или же походами регулярных дружин за Польшу, если много о себе думать начинали немцы.

Польская вооружённая знать и сейм быстро сообразили своё истинное предназначение просто быть, потому в сём активно участвовали. А терпели вынужденно, ибо такова жизнь. Ещё в писании сказано, что жизнь – юдоль страданий. Особенно для поляков.

Потому известную в нашей истории Семилетнюю войну Гардарика просто не заметила – ничего ж необычного не происходило. Возомнившие о себе пруссаки вломились в

Польшу и были уничтожены польским войском. Ещё русские немножко помогли. Пруссак утёрлись и били дальше французов с австрийцами, а деньги платили отчего-то Гардарике – похоже, догадывались о чём-то.

Та война началась с немецких амбиций и закончилась практически ничем. Немцы выиграли все сражения, но фишка вся в том, что вообще могли просто сидеть на жопах ровно – суета их армий, где от поноса выбывало больше солдат, чем от картечи, ничегошеньки не решала. Просто одни вельможи обогащались, а население от этой карусели нищало. И у короля прусского тупо закончились деньги.

Не умерла некая старуха в Санкт-Петербурге, и её дебил-ный троюродный племянник не залез на престол, ведь не было в Гардарике престола, старухи у власти и Петербурга. Впрочем, я это описывал в первой книге.

Зато у Гардарики был флот, и сделать с ним ничего не могла даже Англия, тем более что она давно и прочно сцепилась с Францией. Собственно поход прусаков на восток, как игры французов с польским престолом, служили только для того, чтобы надавить на Гардарiku с суши.

Поползновения эти успеха не имели, потому был у поляков выход к Балтике, не было его – русские на это чихать хотели. Ведь они без затей топили иностранные корабли. Просто пираты и куркули!

Вернее топили их датчане, шведы и норвежцы, но королевства вошли в Гардарiku? Значит, всё равно во всём вино-

ваты русские! На что сами русские, пожимая плечами, вешали очередных поборников европейских ценностей. Если что, в свободной Англии просто за бродяжничество тогда казнили по десять тысяч человек в год, так что не надо тут ужасаться.

Но это всё лирика, вернёмся к сути. Немцы, чтобы продать своё зерно французам или англичанам, везли его в русские порты. Чехи, словаки, венгры и немного итальянцы входили в Австрийскую империю и с ней могли толкнуть хлеб на юг, в Бизантию, потому на русских купцов нашлись какие-то тормоза, не нагнали в край.

Княжества Гардарики и сами продавали хлеб в Бизантию и старались продлить её существование. Очень ведь удобно ходить по Средиземному морю и торговать с Северной Африкой по единым правилам, то есть свободно и беспошлинно.

Какая там Греция с Сербией? Плевать, в кого они там верят и как говорят! Гардарики продавала туркам оружие, в войске Бизантии при подавлении мятежей особенно отличились добровольцы с Кавказа. Да и не с Кавказа большинству добровольцев эти люди были просто бунтующим местным населением. Кого там жалеть?

Если дело могло дойти до края, в Средиземноморье всегда что-то делали регулярные эскадры Гардарики. Они отчего-то хронически поддерживали турок, кто имел тоже сильный флот. Для Бизантии строили корабли на русских и на

турецких верфях русские корабели за русское же золото.

То есть в магической истории Гардарика многократно заменила Британию, извлекая для себя все выгоды. Суэцкий канал отрыли ещё в империи. Французы и итальянцы обломились на море, и нечего им было делать в Северной Африке. А Британии в Средиземном море просто не было – её не пустили через Гибралтар. Ну, некому было отдать им крепость по пьянке.

И мы подходим к Испании. Правда, там и Португалия затесалась. Но все её достижения, это успехи нищих авантюристов за британское золото. Они сами о себе говорили, что португальцы это только зубы, а желудок Англия. Они настроили в Индии и Восточной Африке крепостей, они богатели на торговле меж Индией, Африкой и Индонезией. Португальцы молодцы...

Но в магической истории не было у Британии для них золота, и доминирования флота англичане не достигли. На всех торговых маршрутах португальцев поджидали хорошо вооружённые испанцы, голландцы и французы. Португалия всегда оставалась, чем и была – просто нищей южной страной, чьи жители пытаются обмануть вечный голод изюмом и запивают его кислым вином и клянут судьбу.

Итак испанские идальго неплохо порезвились в обеих Америках и нормально сорвали золота, однако все выгоды Испания получила в Европе. В её истории они долго оставались номером один и прилично отоварились от Англии и

Голландии, которые пытались захватить или удержать.

Послужив становлению и созреванию этих стран, испанцы стали четвёртыми и крепко задумались. Время обдумать положение им дала Гардарика. Голландцы просто принялись пользоваться своим новым статусом, грабить туземцев и торговать, а Британия полезла решать восточный вопрос.

Без его решения Англии не виделось своего доминирования. Этому я уделил внимание в первой книжке, тут замечу лишь, что этим собственно и кончилось дело. Огроблись сэры в Гардарике, просрали всё на свете и без всякого доминирования стали бороться за место под солнцем.

Вот пока сэры огребались, идальго сидели задумчивые, привыкали к новому своему положению. И положение это оказалось весьма недурственным. Флот же у Испании остался, океанская торговля тоже. И четвёртым быть очень неплохо – кого они поддержат, тот и станет номером один...

Вернее стал бы, если не считать Гардарiku. Полежут испанцы в объятия французов, русские просто встанут за Англию. И наоборот. Ничего ж личного, просто дело.

Потому задумчивость стала главным испанским внешнеполитическим манёвром. Они задумчиво взирали, то на одних, то на других, то вообще на третьих. С Францией есть сухопутная граница? Это грустно, но там ведь горы, и можно купить русское оружие в любых количествах.

За него не требовалось даже платить золотом, купцы Гардарики забирали сукно из шерсти знаменитых испанских

овец. Британия ж так и не получила русский рынок в своё пользование и не стала мировой фабрикой. А на море Средиземноморский флот французов шибко ограничивала Бизантия.

Но промелькнули века, и настала Новая Эра. На Земле практически не осталось неисследованных областей. Через Европу проложили железные и шоссейные дороги, загудели фабрики. Загудели они, прежде всего, у немцев, и случилась Франко-Прусская война.

Родилась Германия, страна, победившая Францию и способная осложнить Гардарике жизнь. Ни Гардарике, ни Германии не хотелось открытого столкновения, и это послужило делу безопасности Польши. У буферов тоже случаются хорошие времена.

Но это новое оружие так разрушительно! Самодвижущиеся мины, линкоры с их пушками – всё это так ужасно! У Гардарики тоже были дредноуты и торпеды, но ведь и самим прилетит, мало не покажется.

Пришлось Гардарике пересмотреть своё отношение к Балтике и Средиземному морю, даже не нападать на все корабли подряд. Только о Русском море эти дикари ничего не желали слышать, не просто так его называли Русским. Топили всех нахрен и будем топить.

Ещё с Восточным Царством не получалось договориться, но там отдельный случай – тамошние варвары совсем отможенные, и Тихий океан очень большой. Дикарей не может

прищемить даже Японию, так они укрепились.

И нужно сказать немного об Италии. Культура, архитектура и особенно кулинария итальянцев выше всяческих похвал! Эта страна среди лидеров туризма из Гардарики! Ну, ещё долго была раздробленна, а потом стала целой. Но русские даже туристы этого почти не заметили, а политикам и купцам вообще итальянцы пофигу.

И вот мы добрались до Первой Европейской бойни! То есть ура, товарищи, что добрались, но у романа свои законы. Эти вопросы мы рассмотрим чуть позже, а прямо сейчас вернёмся к главному герою.

* * *

Ровным шагом я прошёл к нашей «Волге». Традиционно вышел Авдей, придержав мне дверь. Я залез на сиденье и молвил:

– Здорова!

– Привет, – хором ответили мне, и машина поехала вперёд.

А меня эти ребята не видели почти три недели, Катя в Корпус приезжала с подружками. И такие спокойные? Тут я сам собой понял или ощутил их деловой настрой, парни проявления радости считают фальшивым. Они догадываются о предстоящей мне дуэли, знают её причины.

И узнали их от Катерины совсем недавно. В обед пятницы

она ничего мне не говорила, и я не почувствовал, что её что-то тревожит. Значит, мне всё доложат дома, а отсюда следует, что Катя меня ждёт. Логика, которая моё всё.

Открыла нам двери Клава и тоже сказала ровным тоном:
– Привет.

– Привет, – сказал я и принялся снимать верхнюю одежду.

Прошли мы в гостиную, где я снова сдержанно поздоровался.

– Есть новости? – решительно спросила Катерина.

– Да так, – небрежно пожал я плечами, усевшись в кресло. – Меня опять вызвали на дуэль, а вообще ничего особенного.

– Что бы мы делали без Миланьи, – мрачно сказала Катя. – Вчера вечером она прямо поразила моему спокойствию. Спрашиваю, с чего это мне переживать, а Миланья говорит, как не волноваться после такой статьи. И приносит мне «Московский еженедельник», – она кивнула на журнальный столик. – На первой странице, ознакомься.

Я поднялся, взял толстую газету и вернулся в кресло. Название статьи обведено красным маркером. Я спокойно начал читать, а Катя тем временем с негодующими нотками говорила:

– Кто мог от Князя Москвы ждать такой подлости! Воспользовался скотина древним правом князя помещать свою писанину в любой газете княжества и специально выбрал нашу как самую читаемую! А я ведь из библиотеки тогда при-

шла! И второй день уже не в курсе! Ну, кто ж будет читать свою газету, когда материалы сам пишешь? А Миланья на неё, оказывается, подписана!

– Плохо мы ещё знаем свой народ, – проворчал я, не отрываясь от чтения.

Катерина задумчиво примолкла, пытаясь понять, чего такого умного я опять сказал, и я быстро дочитал статью. Пусть родили её на всю страницу типографским шрифтом, любой художественный текст я впитываю за минуты.

Прочитал я статью за подписью князя и перевернул лист в рассуждении поискать ещё чего-нибудь интересного. А Катя вдруг встала, подошла ко мне и отобрала газету! Я поднял на неё удивлённые глаза, и она воскликнула:

– Тебе разве нечего сказать о статье?

– Ну... – собрал я мысли. – Написана бойко. Много примеров из жизни.

Катя с непонятным сожалением на меня взглянула и уточнила:

– А о князе?

– О князе? – не понял я вначале, но вовремя вспомнил правильное мнение. – А! Князь сволочь, конечно!

Миланья зашла в гостиную, перекрестилась и сказала, грустно вздохнув:

– А ведь был таким приличным человеком!

– Все сволочи получаются из приличных людей, – настаивательно молвил я и подозрительно спросил. – Ты чего кре-

ститься-то стала? Тоже приняла Православие?

– Да я, вообще-то, с рождения, – засмушалась эконожка. – Только как бы я раньше крестилась при хозяевах-язычниках, – Миланья совсем потерялась. – Так если тебе неприятно, я не буду!

– Приятно мне, крестись на здоровье, – сказал я благодушно. – Ты чего хотела?

– Коли все уже собрались, может, ужинать пойдёте? – спросила она робко. – Мне только разложить.

– Мы тут ещё кое-что хотели обсудить, – с сомнением возразил я.

– Такое перед едой обсуждать – только портить аппетит, – сказала Миланья. – И вообще до ужина легко скатиться в экстремизм.

– Тогда раскладывай, – дал я отмашку.

– Пять минут! – пропищала Миланья, убегая и двери за собой не закрыв.

Я перевёл взгляд на Катю, она явно о чём-то задумалась. Заметив, что я на неё смотрю, Катерина задумчиво спросила:

– А точно все сволочи получают из приличных?

Рыси вдруг улыбнулись, Клава даже заодно помотала чёлкой.

– Все сволочи в чём-то приличные люди! – насмешливо сказал Авдей.

– И все приличные где-то сволочи, – весело прибавил Мухаммед.

– Тотемные – точно! – добила меня Надя.

Я тоже задумался, неужели это касается и меня? Почти тотемный, приличный парень попал в приличного пацана – условия, вроде, соблюдаются. Но так непросто вычленишь точку перехода в сволочи! Назовём её точкой сволочужности. Или всё-таки для попаданцев оно необязательно?

– Идите! – донёсся голос Миланьи.

Я посмотрел на часы, было без десяти восемь. Стоило из-за десяти минут огород городить. Однако вспомнил о точке сволочужности, подавил вздох и с достоинством пошёл в столовую. Все сделали серьёзные лица и направились за мной.

Миланья приготовила гуляш и настрогала салат из тепличных помидоров и огурцов. Для ценителей традиции были также маринованные помидоры, солёные огурцы и квашеная капуста.

М-м-м! И этого всего кто-то хочет лишить мой растущий организм?! Уже из-за этого одного Князь Москвы и боярин Тимохин сволочи. А приличные ведь люди, целые князь и боярин. Хотя титулы эти сволочи унаследовали.

После ужина устроили обсуждение возникшей ситуации. Я считал, что нечего об этих уродах много говорить, грохнуть – и все дела. Моё мнение внимательно выслушали, и на этом всё, то есть почти не рассматривали. Я ведь сторона заинтересованная, это меня хотят убить, и слишком ещё юная – тут и рассматривать практически нечего.

Ежу ясно, что завтрашней встречи мне не избежать, оста-

ётся только драться. А дальше? Рано или поздно меня вызовёт очень крутой, или я тупо облажаюсь.

– Князя Артём так обозлил и напугал, что тот пустился на публичное заявление! – хмуро сказала Клава.

– Причастен князь или нет к прошлым дуэлям, сейчас почти не важно, – проговорил Авдей. – Он призвал к идейным сторонникам.

– Да, эти пойдут не только за деньги, – согласился Мухаммед. – Отныне они готовы идти на смертельный риск.

– А может Тёма как-то технично съехать? – спросила Надя. – Ну, заявит, что его неправильно поняли?

– И что? – скривился Авдей. – Князь Москвы отзовёт свой призыв?

– Тем более, что мы уже прошли точку невозврата, – мрачно сказала Катя. – Даже если Тёма съедет, и князь отзовёт своё воззвание, мы подставим многих людей, обманем большие деньги. Мы лишимся всего.

Мухаммед вдруг усмехнулся и сказал:

– Вот бы немцы напали завтра! Тогда все увидят правоту Тёмы! И вообще фронтовиков до конца войны не вызывают.

– Завтра точно не нападут, – грустно вздохнув, сказала Катя. – Европа ещё не разместила танки в Польше.

– Но хоть вокруг Польши размещают?! – спросил Авдей.

– Вокруг да, – серьёзно кивнула Катерина. – Походу ещё торгуются за наши земли.

– Тогда что остаётся? – удивилась Надя.

– Гнуть свою линию и надеяться на чудо, – сказал я, поднимаясь из кресла. Посмотрел на Катю и спросил. – Ты сегодня в другой спальне?

Она только кивнула.

– Тогда всем до завтра, – молвил я, прихватив с собой газетку. – Ещё нужно помолиться.

* * *

У себя я действительно только положил газету на кровать и прошёл в специальную комнату. Лампадка горела, Миланья за этим следит. Устроился на коленях перед образами, перекрестился и закрыл глаза с намерением войти в тотемный транс. По субботам в Корпусе я этого лишён. Рыжие близнецы тоже отличники и после учёбы направляются в отпуск. С их слов для воина-рыси постой вообще не вопрос. Ребята в целом симпатичные, но чтобы прямо нет проблем? Что-то такое они знают, до чего я ещё не дошёл.

За пять уже минут настроился, и тотемный дух заполнил меня. По-хозяйски во мне расположился, ласково заурчав. Приятно бродяге, что кто-то его призывает, чтобы он просто был и лениво жмурился, я ему тоже очень рад.

Через час рыси со мной надоело, я ещё во многом скучный человек. Не прощаясь, дух как всегда неожиданным прыжком покинул меня. Мне нужно ещё пять минут, чтобы почувствовать себя без него. Всю жизнь ведь сам по себе.

Одиночество – это очень грустно...

Отреши́нно я снова перекрестился на иконы и встал. Прошёл в спальню, переоделся в пижаму. Забрался на кровать и взял газету. Устроился на двух подушках повыше и со вкусом приступил к статье князя. Прочитал даже, что данный материал помещён по древнему договору и мнения редакции не отражает.

Писал, конечно, не сам князь – столько навалить можно только за деньги. Заказали на первую страницу, значит, будет на всю страницу. Уверен, что ему хватило бы и одного абзаца.

Главный вопрос князя, с чего это я, ещё пацан, так в себе уверен. Любить берёзки хорошо и в чём-то правильно, но всё-таки требуется и образование. Что же даёт мне право давать оценки людям, погружённым в тему?

Я спрашиваю, что скажут пострадавшим все, кто ведёт с Европой переговоры, если Европа нападёт? Но князь и не исключает срыва переговоров и её нападения, а при любом нападении всегда будут пострадавшие.

Так что я готов сказать этим людям? Отчего я думаю, что в возможном срыве переговоров нет моей вины? Почему я считаю, что своей позицией не толкаю европейцев к нападению? Ах, я верю, что они звери и всё равно нападут. Но ведь это я верю, все мои «доказательства» можно трактовать по-разному.

Вот если бы Европа, как я, заявила бы, что видит в нас

зверей, это могло бы служить доказательством. Пока же такую позицию высказал лишь боярин Большов. Его нет смысла уговаривать, остаётся просто уничтожить. Ну и далее со всеми княжескими выводами.

Всё-таки хорошо, что князь не хочет со мной говорить и вообще немного тормоз. Да окажись он в моей гостиной после первого прочтения, бухнулся бы ему в ножки и каялся весь в слезах и соплях!

Так бы и поступил Артём Большов, если остался бы жив и начал всю эту котовасию. Но я не только Артёмка, и уверен в своей правоте. Для меня европейцы звери, а князь и ему подобные простаки, что хуже предателей.

Князь не будет со мной разговаривать? А кто этому придурку предлагал переговоры? Его лишь используют, он всего лишь функция. Европейцы им уже пользуются, теперь, как это использовать, нужно подумать мне. Ничего личного, только дело.

Преодолев задумчивость, я смог перевернуть страницу. Дискуссии о заявлении князя не было. Но это потому только, что люди князя, выигрывая время, точно воткнули статью в последний момент, чтобы сразу полные панамки не накидали.

Этим они только озлобили редакцию, ради статьи князя пришлось снимать собственный редакционный, наиважнейший и любимейший материал с первой страницы. У редакции появились личные мотивы, в следующем номере точно

накидают, и всё даже не влезет — оставят на другие номера.

А эти непросто насуют, князь не зря выбрал газету, как самую популярную. Журналисты крепко знали своё дело, и я неожиданно для себя увлёкся на общих новостях Гардарики.

В толстой газете уделялось место и рекламе моей персоны. Публиковались фото наряженной ёлки из моего дома и слова Кати, как я был доволен. В Европе много хорошего, и мы молодым прогрессивным семейством чтим европейский обычай Нового Года зимой.

Я закончил семестр в Корпусе на «отлично» и пока праздную с друзьями на лыжной прогулке, а Катерина оказалась для редакции доступной, ответила на все вопросы и устроила маленькую экскурсию по квартире.

Читатели увидели гостиную и ёлку ещё раз, мой кабинет и столовую. Потом миленькое фото Кати возле ёлки и её признание, что она беременна, врачи говорят — девочка. Читатели должны решить, что ей и ёлке трёх комнат пока хватит, а вот с рождением ребёнка нужно думать.

Наряженная ёлка фигурировала также в обращении редакции и поздравлении с европейским Новым Годом. Его, поздравление то есть, не сняли, а перенесли вглубь. Получилось очень по-домашнему, тепло. Поместили фото сотрудников, тоже возле ёлки.

Потом шёл обычный отчёт из дружины и обращение майора Бирюкова. Он всех поздравил с европейским Новым годом и на фото стоял возле ёлки...

На этом я газету закрыл и, положив пока на пол возле кровати, выключил свет. И вовсе это не потому, что я ёлки не люблю как вид, или резко против сезонного уничтожения этих растений!

Просто в том мире сразу, как перестал верить в Деда Мороза, года в четыре, понял вдруг, что Новый Год чисто коммерческий праздник. На тех же ёлках народ неплохо зарабатывает. А подарки? И разные новогодние шоу!

В этом мире, в Гардарике некто, моя жена среди подозреваемых, хочет в Новый Год не отстать от Европы и зашибать денгу. Ничего в том плохого как бы нет, но могу же я иметь своё мнение! И ёлки всё-таки жаль.

На этой мысли я укрылся одеялом, закрыл глаза и сразу уснул.

Глава 2

Поднялся почти как в Корпусе, в тоже время и без Кат. Зарядка, душ и в кадетской повседнежке заскочил в кабинет ради формальностей, а потом вышел к завтраку. Катерина решила почтить присутствием, только ограничилась кофе. Хлопотала Миланья – с потерянным, убитым видом, зато крестилась за всех.

Я, уплетая омлет с ветчиной и сыром, весело поглядывал на Надю и Клаву. Девочек тоже к Перунову камню не тянут, и вообще им плевать на всякие дуэли. То есть они бы нормально поели, но из солидарности с Катериной мрачно пили кофе даже без бутербродов.

Строго по графику воины-рыси проверили мою «Волгу», и мы с соблюдением всех правил проехали к назначенному месту. У обочины уже стояли разные автомобили вереницей, и ждали шофёры.

Я шёл с Авдеем и Мухаммедом по зимнему лесу, воспользовавшись протоптанной уже кем-то тропой, и думал, что для кого-то, может, и есть смысл приезжать к камню за полчаса до дела.

Вышли на обширную полянку, и я нахмурился. На камне ничего не лежало! Меня, что ли, дожидались? С осени?! Хотя тут, наверное, кто-то следит за чистотой? Тогда плохо следит – заодно могли и снег с поляны убрать.

Мы подошли к фигурам у камня. Я почтительно сказал ректору, кто стоял в генеральской своей форме и держал под правой подмышкой футляр знакомого вида:

– Здравствуй, Григорий Васильевич, – и вынул из внутреннего кармана кадетской шинели конверт. – Вот за пистолеты...

– Здравствуй, Артём, – ответил высокий старик добрым голосом, принимая конверт левой рукой. Заглянул в него и воскликнул. – Что-то много!

– При таких делах нормально, – проворчал я, имея в виду заявление князя.

Ректор без комментариев положил конверт в левый карман шинели. Тем временем меня с весёлым интересом разглядывал господин с породистым, каким-то капризным лицом, высокого роста, в светло-сером пальто и шапке. Рядом с ним тоже приличный мужчина с усами, среднего роста в чёрном пальто и шапке слегка терялся, хотя смотрел довольно неприязненно. Обоих охраняли плечистые ребята в одинаковых дублёнках.

– Разреши представить твоего оппонента, боярина Василия Гавриловича Тимохина, – указал на породистого ректор и перевёл руку на обыкновенного. – А также его секунданта, Владимира Петровича.

– Доброе утро, Артём, – высоким голосом сказал Тимохин.

Я к нему чуть повернулся и вежливо ответил:

– Тоже рад видеть, Вася.

Ректор сделал торжественное лицо и проговорил:

– Василию Гавриловичу Тимохину предлагается признать за Артёмом Большовым право давать интервью, кому пожелается, и отозвать вызов.

– Нет! – не менее торжественно воскликнул породистый боярин. – Я желаю подтвердить, что мои слова о дружбе с князем не пустой звук!

– Тогда выбирайте пистолеты! – сказал Григорий Васильевич, открывая футляр. – Клянусь, что Артём с ними не знаком. Вызванный выбирает первый.

Я взял верхний револьвер, а Тимохин нижний.

– Тут я должен предложить вам поклониться камню, – виноватым тоном молвил ректор. – Но коли вы оба православные...

Высокий боярин глянул на Перунов камень насмешливо, а я внимательно прищурился на этого холёного, избалованного, капризного барина. Я принял христианство из человеколюбия, чтобы не резать людям ничего. Но этот Василий Гаврилович меня просто злит!

Для него исход нашей встречи уже решён, иного он себе не представляет. И вот Перунов камень один, как оплёванный и преданный. Мною преданный. Пусть я христианин и не должен кланяться богам, из чувства странного противоречия я сказал:

– Я не собираюсь в священники или монахи, – и, отвесив

камню поклон, проговорил. – Дай мне победу, Перун, а я обещаю тебе кровь врага.

Высокий Тимохин тихонько засмеялся дребезжащим смехом, качая породистым лицом, а я сбросил шинель в снег и, не оглянувшись, пошёл на позицию.

– Да, расходитесь, – проговорил второй секундент.

Блин, снега по колено! Кто здесь убирает?! Эти шажки придётся удваивать. Немного для себя притоптал целину.

– Дистанция, оборачивайтесь! – крикнул уже из-за камня Владимир Петрович. – Начали!

Снял револьвер с предохранителя и обернулся. Иду потихоньку по своей тропинке. Тимохин остался в пальто, но ему точно проще с его длинными ногами. Смешно он пытается прыгать, поднимая руку с пистолетом...

Семьдесят метров. Сначала пуля обожгла щеку, и лишь мгновенье спустя услышал:

– Бах! Бах!

Не, я не понял! Почему я не почувствовал угрозы?! Слабый фон враждебности и никаких всплесков! Я исподлобья уставился на Тимохина. Вот он смешно прыгает, тоже скачком с тропинки долой...

– Бах! Бах!

Пули где-то просвистели в стороне, но никакого всплеска агрессии! Ладно, паниковать рано и вообще спешить некуда. С этим придётся что-то делать. Стоим на месте и притаптываем снег, визуально контролируя противника.

Всего пятьдесят метров. Василий Гаврилович тоже решил остановиться, пытается получше прицелиться. А вот хрена тебе, сука с породистой мордой!

– Бах! – это уже я стреляю и прыжком возвращаюсь на тропу.

Не попал, конечно, но это членистоногое смешно прыгнуло в сторону и:

– Бах! Бах! – тоже мимо летят пули, но близко.

Этот Василий Гаврилович умеет стрелять! Ну, тем веселее! Спокойно шагаю к нему по тропе. Он изумлённо приподнимает бровь, прыгаю в сторону.

– Бах! – стреляет Тимохин.

Его удивление и прицеливание почти неотличимы, я успел это понять. И нас разделяет только сорок метров. Ага, бровь снова полезла вверх, с кувырком покидаю тропу. Блин, шапка слетела!

– Бах! – гремит его выстрел, и где-то пролетела пуля.

Восьмая. Я спокойно иду к нему, хоть и щипает уши.

– Эй! – кричит он капризно. – Остановите поединок, у меня кончились патроны!

Я просто приближаюсь весь в снегу и с розовеющими на морозе ушами.

– Но послушайте! – воскликнул он весело. – Вы ведь не убьёте вот так приличного человека!

А сам в шапке! И в пальто! Он ясно различает моё лицо и понимает – этот убьёт. Боярин Тимохин растерянно огля-

нулся на охрану, но они сейчас ему не помощники. Авдей с Мухаммедом точно проследят.

Десять метров, я останавливаюсь и холодно ему улыбаюсь. Он резко разворачивается и прыгает...

– Бах!

Падает породистым лицом в снег с пулей в спине. Пытается ко мне обернуться и хрипло стонет:

– Нет! Не надо!

Я неспешно приближаюсь с застывшей улыбкой и розовыми, но местами краснеющими ушами. Останавливаюсь и направляю ему в голову пистолет.

– Не надо! – прохрипел боярин Тимохин, уткнувшись породистым лицом в рукав пальто.

– Бах, – добиваю его в висок с трёх метров.

Отворачиваюсь от него. Блин, уши-то как мороз хватает! Но надо стоять с грозным величаем, ждать одного Авдея. Мухаммед вынул «Парабеллум» и стоит с ректором. Просто так.

Авдей неспешно бредёт через снег с моей шинелькой. Нагнулся за шапкой. Наконец, подошёл, проговорив:

– Пока только шапку надень, а то уши вон красные, – и протянул мне головной убор, засунув одну руку под полу пальто. Отстегнул наощупь ножны с пояса и, подавая мне, договорил. – А с шинелью не спеши.

Я, поспешно нахлобучив шапку, беру ножны и нож. Наклоняюсь над Тимохиным и расстёгиваю ворот – нужно

освободить шею...

Стоп! Что это у него за шнурок? Снимаю с него кругляш из кости с изображением солнца и рун. Вот это на себе носил православный?

– По древнему обычаю все его магические амулеты, что найдёшь на нём, отныне твои, – сказал Авдей.

Тогда «солнышко» пока в карманчик, переходим к неприятному. Где тут шейка его бывшего владельца?

* * *

Закончив встречу, вернулись домой. Я принял душ и надел кадетскую повседневку, заботливо приготовленную Миланьей. Только трофейный амулет переложил в нагрудный карманчик и вышел в гостиную, как ни в чём не бывало.

Катерина встретила меня долгим грустным взглядом, её подружки смотрели без выражения, как и их коллеги Авдей и Мухаммед. Миланья крестилась, грустно вздыхая. Я прошёл в кресло и сказал девушкам:

– Я опять живой. Можете съесть по паре бутербродов.

– Мы не хотим, – неприятно ответила Надя.

– Я пойду тогда, помолюсь за всех... – проговорила Миланья, перекрестилась и ушла.

А Катя вдруг встала, подошла ко мне, наклонилась и провела пальцем по щеке. Кожу неприятно защипало. Она повернулась к подружкам и сухо сказала:

– Быстро сюда аптечку.

Клава подорвалась к шкафу и через минуту стояла возле Кати с открытой коробкой, а Надя из неё вытащила бутылёк, говоря задумчиво:

– Сначала перекисью?

– Угу, – сказала Катерина, взяв у неё флакончик и сворачивая пробку.

Надя тем временем отщипнула ваты...

– Туда смотри! – грубо молвила Катя, указав пальцем на Мухаммеда.

Я уставился на него и дальше ничего толком не видел. Чем-то провели по щеке, собрали ватой лишнюю влагу. Потом приложили бинтик с мазью и приклеили пластырем. Оно сразу зачесалось.

– Не трогай! – приказала Катерина.

Она и Надя сели на диванчик, а Клава сначала поставила аптечку на место.

– Шрамы украшают парней, – сказал Авдей.

– Только не на роже, – возразила Клава, усаживаясь.

– Тогда переходим ко второму вопросу, – проговорил я, вставая, и вынул из кармашка амулет. Подошёл к Кате и показал его на ладони. – Ты знаешь, что это такое?

Девчата подскочили и обступили нас, глядя на «Солнышко». Катерина на него посмотрела и подняла на меня странно весёлые глаза.

– Где ты его взял? – спросила она тихонько.

– Снял с мёртвого врага, – сказал я сухо.

– С шеи, – уточнила она и воскликнула вдруг. – Но ты же христианин!

– И что? – сказал я дерзко. – Боярину уже было всё равно, а Перуну приятно! И амулет ведь нашёлся.

– Он как-то работал? – спросила Надя. – Ты почувствовал в схватке что-то необычное?

Я перевёл на неё взгляд и ответил:

– Похоже на мистику, но я не ощущал всплесков агрессии.

– Значит, работал, – мрачно проговорила Клава.

Катя грустно вздохнула и уточнила:

– Тебя уже называли чудовищем?

– Ты обзывала зверёнышем, – напомнил я сварливо.

Она кивнула и взяла кругляш с ладони. Поднесла к глазам, бормоча:

– А теперь ты подрос... и становишься зверем. Интересные какие руны! Занятный амулетик...

Я выдержал приличную паузу и спросил:

– Он мне может что-нибудь дать?

– Только для общего развития, – проговорила Катя, рассматривая руны. – Такие амулеты создаются особыми магами лишь для конкретного человека...

Она протянула мне «солнышко» и улыбнулась:

– Зато ты начал коллекцию трофеев. Убери его в шкафчик.

Я взял амулет и, сунув в карман, проговорил:

– И это всё, что ты скажешь?

– Я же не особый маг! – ответила она с вызовом. – Сама узнала в Европе, там за такие штучки платят огромные деньги! – Катя хмыкнула и сказала. – Правда, Андрей думает, что это шарлатанство. Но вот же амулет, который работал... если это не свойство его бывшего хозяина.

– Хорошо, с этим разобрались, – молвил я. – Для политинформации почти не осталось времени. Сразу пойдём в зал?

– Пожалуй, да, – сказала Катерина.

* * *

На физкультуре занялся именно физкультурой. Тотемный транс ведь совсем не решение всех проблем. Он усиливает, ускоряет то, что уже нужно иметь. И сам транс мне не даёт и пятой части сверху, его тоже требуется развивать.

Вот для развития трансa обычные условия не очень подходят. Ну, свалюсь я в схватке в тотем, выиграю один раз, а потом? Против меня четверо опытных воинов-рысей, способных звереть и выходить из зверства, будто мерцают. Они усиливаются и ускоряются почти вдвое, в полтора раза точно.

Я просто должен быть сильнее и быстрее их всегда. И это для меня против парней около тридцати, тем более против девочек, вполне реально. То есть я довожу их до трансa, лечу на пол и говорю себе, что мне не хватило в этот раз самую

малость. Надо ещё поработать над собой.

А самому входить в транс я с недавних пор себе запрещаю, и это уже вторая часть тренировки. Я обязан сохранять трезвость рассудка в любом замесе, я могу себя контролировать. Непроизвольных провалов в тотем у меня просто не должно быть.

В общем, скоро сказка сказывается, а в самой сказке всё равно интересней, даже когда не всё получается. Часик физкультуры прошёл ярко и ко всеобщей пользе. Сходили мы в душ и переоделись. Приходим в гостиную, а там Мирзоев в военном, только без погон, читает журнальчик.

Мы учтиво с Русланом Ибрагимовичем поздоровались и расселись в диваны и кресла. Катя спросила, как он доехал, а Мирзоев со свойственной ему иронией поведал о состоянии зимних дорог. Не всё у нас гладко. Кое-где слишком гладко, а порой и скользко. Однако на поезде замнач по тылу неуместно, лучше погибнуть героем.

В разгар его захватывающего рассказа пришла Миланья и позвала всех к столу. Договорил Мирзоев уже по дороге в столовую, да пока рассаживались. Однако уже на первом блюде разговоры утихли и до десерта не возобновлялись.

После обеда я попросил Авдея и Мухаммеда развлечь Надю и Клаву в гостиной, а сам провёл Катю и Мирзоева в кабинет. Руслан Ибрагимович уселся в кресло для гостей, жену я усадил на место босса, а сам примостился на краешке стола.

Мирзоев положил перед собой папку и принялся докладывать, по одному передавая мне документы на подпись. Начал он, конечно, с рутины — сколько, чего получено, да сколько и когда продано, а так же где и почему потеряно.

Я кивал, просматривая бумаги, подписывал и, возвращая Мирзоеву, ждал главного, ради чего он приехал лично. Практически без паузы он перешёл к проблеме. Майор Бирюков и часть общественности считают, что дружина совершенно не умеет воевать зимой.

Попытки исправить положение вызывают ропот у другой части общественности и даже у обстрелянных солдат, так с этим нужно что-то делать. Или Бирюкова урезонить, или как-то успокаивать бойцов. Сам Мирзоев в этом не понимает, вот и поехал спросить моё решение.

Я потянулся чесать щёку, но под строгим Катиным взглядом отдёрнул руку и задумчиво проговорил:

— А все ведь считают, что за нас воюет сам генерал Мороз...

Мирзоев и Катя на меня удивлённо уставились. Ага, ещё не считают. Это немцы придумали под Москвой и Сталинградом и на весь свет распространили, а до тех событий русские и не ведали...

Стоп! А Финская компания? Тысячи обмороженных, внезапные нападения лыжников, расстрелы командиров перед строем солдат! Тогда-то русские и учились воевать зимой. Как у нас водится, на своих ошибках.

Я посмотрел на Катерину и сказал:

– Срочно поговори с Сергеем. Епархия должна снова на-
править в Корпус съёмочную группу. Киношники снимут,
как мы окапываемся в мёрзлой земле, поговорят с техника-
ми, чего им стоит оживить на нашем морозце «британцев».
Пусть пообщаются с пацанами об их лыжной прогулке...

– То есть ты против войны зимой? – уточнила Катя.

– Я так «за», что вызову на дуэль любого! – процедил я.

– А! – чему-то обрадовалась она. – Тогда одного сюжета
мало. Это же целая тема, зимняя война!

Мирзоев пошелестел бумагой и протянул мне документ
со словами:

– Тогда это подпиши.

Я просмотрел короткую записку:

«Поддерживаю решения майора Бирюкова».

Подумал и дописал:

– Даже считаю недостаточными. Приказываю усилить, – и
подписался.

Руслан Ибрагимович убрал бумажку в папку и продолжил
ровным тоном:

– На усмирение бунтов ждём тебя лично. С этим пока всё,
переходим к твоим любимым танкам. Ко мне самолётом при-
был человек из Харькова и сообщил, что родной Совет Обо-
роны принял «Рысь-1» на вооружение. Только это просто
неформальное одобрение дружинам на их покупку и выра-
жение готовности Совета приобрести танки для ополчения

на общих основаниях. В мирное время, конечно. Но есть для мирного времени и вторая серия. Выражается она в том, что за права на «Рысь-1» Совет предложил разработчикам... – Мирзоев на чистом листе нарисовал полмиллиона. – Продав права, харьковчане, конечно, поставят нам оговоренное количество машин. Но по остаточному принципу, Совет забирает первым. И больше контрактов никаких не будет.

– Что предлагает тот человек? – спросил я ровным тоном.

– Они готовы обозлить против себя Совет, – ответил Мирзоев. – Если ты к той сумме дорисуешь нолик.

Я задумался. Это же сейчас практически предел моих возможностей. И не встану ли я поперёк перевооружения Гардарики? Я же смогу производство новых танков оплачивать только с продажи, ... ну, Епархия, может, подкинет, если будут новые земли. А Совет имеет намного больше возможностей...

Я повернулся к Кате и спросил:

– Идут люди в Православный фонд?

Она кивнула с серьёзным видом и сказала строго:

– Ты теперь просто должен найти эти деньги. Знаешь, что случится, если Совет купит права?

Я с интересом на неё посмотрел, и Катя сказала:

– А к тебе придёт человек из Совета и назначит плату, что ты будешь отстёгивать за каждую машину. Ему лично будешь отстёгивать! Или совсем не увидишь танков – их заберёт Совет.

– Можно предложить уральцам, – осторожно сказал Мирзоев. – За права и технологию они расплатятся танками. Их уже неплохо берут в дружинах, а будут брать и в Совете. Есть способы на него надавить...

Это стало решающим аргументом.

– Берём права, – решительно сказал я. – И поговори с тем харьковчанином, чтоб они подумали над установкой у себя наших улучшений. Это должно удешевить процесс.

– Несомненно, удешевит, и развяжет нашим мастерам руки для дальнейшего! – радостно воскликнул Руслан Ибрагимович, вынимая из папки документ. – На-ка это подпиши...

Я подписал купчую на пять миллионов рублей. Мирзоев аккуратно уложил её в папку и сказал, поднимаясь из кресла:

– На этом у меня всё. Если у вас нет вопросов... – он ласково меня с Катей оглядел и молвил. – Тогда счастливо.

– Пока, – сказали мы хором.

* * *

Миланья проводила господина Мирзоева и вернулась доложить, что звонили из гордумы, дабы утрясти кое-какие формальности. Мы легко собрались и поехали сразу на двух «Волгах». Только для безопасности на новенькой машине Надя повезла Клаву, а Катя сидела между мной и Авдеем в старой.

Супостату же в голову не придёт, что боярин с женой едет

в небронированной «Волге»! Тем более обе тонированные и чёрные, различаются только номерами!

Ну, раз я сказал, что для безопасности, значит, для безопасности. Охранники приняли без комментариев, а Катерина неизвестно чему скромно улыбнулась, чего я, конечно, со строгим лицом не заметил.

На охраняемой парковке Надю и Клаву оставили слушать радио и следить за машинами, в гордую пошлю традиционным составом. На первом этаже я представился, и нас сразу проводили в отдельное помещение.

Усадили в кресла, дали кофе и показали бумаги на господина Тимохина. Я просмотрел документы и тихо пророс в казённое кресло. Эта ныне дохлая сволочь за день да дуэли продала мне, то есть Православному фонду все свои земли несельскохозяйственного назначения. Эта дохлая нынче сволочь продала бы и сельскохозяйственного, да не берём пока.

Заплатил я за земли английские деньги, и их заберут законные наследники, пусть лишённые боярства и дружины. А если бы дохлой сволочью стал я, этот длинный и пафосный перец поимел бы с меня, и бабки, и земли свои обратно.

Ага, дружбу он хотел князю подтвердить. Проигрался, наверно, в хлам или просто довыпендривался до банкротства. Как всё-таки неприятно разочаровываться в человеческом благородстве!

С каменным лицом я первым делом принял новую дружи-

ну на баланс. Вообще это фигня пехотная, только бойцам от меня всё равно положено выходное пособие, даже если я откажусь от части в пользу Совета Оборона. А так они, кроме пособия, ещё и лиха хлебнут напоследок в новой дружине.

Вдруг да кто-нибудь там окажется дельным. У них на складах какое-то имущество, у самих винтовки и другое оружие. Плюс землю дружина занимала, и договор с городком, где она стоит, автоматом переходит ко мне. Бирюков и Мирзоев разберутся.

Вторым же делом я с Катей отобрал самые вкусные сельские земли. Служащий гордумы быстренько оформил бумаги, я их подписал, и клерк при нас на счётах подбил налог и за оформление. Я снова подписал платёжный документ, и нас в гордуме заверили, что очень были рады и попросили почаще заходить.

Ну, точно прочитали статейку князя. Вся Гардарика познакомилась. В связи с этим Катя сказала, что я должен со всеми сходить в храм – она же со мной ездила в думу. Спорить с ней я так и не научился, просто кивнул.

Хорошо ещё, что обедню мы пропустили, а для вечерней службы было рано. Поставили свечи и просто помолились. И я только прочитал «Отче наш» перед иконой. Не люблю тотемный транс в людном месте, и я ж теперь христианин официально. Пусть и не очень хороший, ну, какой есть.

В продолжение искупления моих тяжких грехов Катя потащила всю компанию в библиотеку. Милые тётки-библио-

текари вручили толстую подшивку немецкой газеты, ручку с тетрадью, а Катерина велела просмотреть статьи Кристофера Фирцайтера. Я подавил вздох и приступил.

Просидели до семи, и это стоило мне нервов. Я и не думал, что такие скоты и русофобы, как этот Фирцайтер, существуют на свете. И откуда Катя знает его имя? Хотя для неё неудивительно.

В общем, преодолел я первое желание спалить библиотеку, потом второе смотаться в Германию и забить Кристофера ботинками насмерть, и на третьем опусе герра пытался понять его логику.

Уже на пятом стал догадываться, что логики там отродясь не лежало, для Криса русские просто отвратительнейшие из животных, но всё равно продолжил. Ну, не верилось как-то, что европеец может быть настолько тупым!

Катерине даже пришлось отбирать у меня эту муть и говорить, что время уже. В тетрадке я нарисовал только виселицу и Кристофера, каким себе представлял – омерзительно уродливым, лысым и в очках.

Катя посмотрела рисунок и сказала, что для начала нормально, через неделю продолжим. Мы вышли из библиотеки, уселись в «Волги» и поехали. Домой прибыли незадолго до ужина.

После вкусной еды настроение моё немного улучшилось, и я не пожелал портить его обсуждением прочитанного. Так и сказал всем, что хочу это просто забыть, и повёл Катерину

к себе в кабинет. Задали на выходной всё-таки прилично – полтора часа она вникала, а я решал и аккуратно записывал.

Зато в спальне случилось то, что я ждал всю неделю! Я вошёл в тотемный транс! Э...

То есть в тотем я входил на неделе, только без Кати. А тут решил попробовать это с тотемом. И знаете, я стал понимать, что имели в виду близнецы. Катя так стонала! Ну и мне оно открылось с неожиданного ракурса. Я бы сказал, во всей полноте...

Бедные люди! Бедный я! Мне ж раньше и десятой доли не доставалось! Даже с порабощением самой нежной, самой любимой девочки...

Глава 3

В новый понедельник Авдей с Мухаммедом попросили меня вести себя хорошо и пожелали отличных оценок. Я сказал:

– Спасибо, – вылез из машины и направился к КПП.

Поздоровался с другими ребятами в короткой очереди, потом показал военным удостоверение личности и предписание на отпуск, после чего они меня отметили и допустили на охраняемую территорию.

Бодрым кадетским шагом я направился в учебный корпус. Повесил в раздевалке шинель с шапкой и прошёл на политинформацию. Прозвенел звонок. Рослый инструктор в военной форме и с военной причёской прошёл на место и первым делом с нами поздоровался. Вторым же устроил перекличку, все пришли вовремя.

– Большов, – сказал военный. – Тебя для беседы вызывает ректор. Сумку забирай, это надолго.

– Так точно, – ответил я, откозыряв, прихватил баул и строевым шагом покинул аудиторию.

В коридоре, конечно, сменил аллюр, но, тем не менее, быстро добежал до ректората. У дверей привёл дыхание в норму, постучался и вошёл.

– А! – кивнула строгая секретарь. – Здравствуй, Артём! Сумку вон на диване оставь иходи, ректор тебя ждёт.

– Здравствуйте, – сказал я в ответ, оставил сумку, где велили, и подошёл к начальственной двери.

Рефлекторно одёрнул китель, коротко стукнул и сразу вошёл. С порога отдаю честь и отчётливо докладываю:

– Кадет Большов по твоему приказанию явился!

– Здравствуй, Артём, – сказал генерал-лейтенант. – Проходи, садись.

Я прошёл к креслу, сел с прямой спиной на самый краешек и молвил:

– Здравствуй, Григорий Васильевич.

Ректор на меня серьёзно посмотрел и начал разговор:

– Я читаю «Московский еженедельник». Заявление князя сулит тебе множество дуэлей. И в каждой тебя могут убить.

Он сделал паузу, строго глядя на меня, и я почувствовал себя неловко. Опустив глаза в стол, сказал ему угрюмо:

– Не я это придумал. Просто так получилось.

– Вообще, если ты проиграешь на дуэли, всем будет грустно, – наставительно проговорил ректор. – Но это ничего, по сути, не изменит. Ты поднял знамя, ему не дадут упасть.

Я вскинул на него удивлённые глаза, и он, позволив себе грустную улыбку, продолжил:

– Да Катя твоя займётся, деваться ей некуда. Ты уже немало вложил в оружие и продолжаешь вкладывать. Это она унаследует. Земли от Епархии отойдут Москве, да и пожалуйста – заплатите долги и забирайте. Англичане дают деньги лишь под гарантии. Главное, ты создал общественную силу, что не

желает просто ждать успеха или неуспеха всех этих переговорщиков. Эта сила и Церковь найдут других бояр. Ты, Артёмка, уже стал символом...

– Лестно, конечно, – ответил я, покраснев. – Только очень жить хочется.

– Вот о том и пойдёт у нас речь, – выставил Григорий Васильевич палец для назидательности. – Среди училищ идёт негласное соревнование по дуэлям. Лидерство в этом вопросе приносит внимание, а оно спонсорскую помощь. Благодаря тебе мы уже первые среди кадетских корпусов и вошли в лигу взрослых. Мы очень хотим, чтобы ты продержался подольше!

– А я-то как хочу! – невольно вырвалось у меня.

– Другого твоего отношения я и не ждал, – важно изрёк Григорий Васильевич. – Ты по собственному желанию переходишь на индивидуальную подготовку. Заявление о желании подпишешь у секретаря. Отныне все часы самоподготовки с тобой будут работать наши маги...

– Не могу я в те часы, – мрачно молвил я. – Со мной рыси занимаются.

– Близнецы?! Из твоей дружины?! – обрадовался ректор. – И как успехи?

– Вхожу в транс в бою, – проворчал я нехотя.

– Ещё один рысь! – воскликнул генерал-лейтенант. – А мне не докладывали!

– Да какой там рысь, – потупился я, не желая подставлять

рыхжих. – Потому ещё и не доложили.

– Занимайтесь дальше, – сказал Григорий Васильевич. – Тогда ты моим приказом освобождаешься от политинформации. Тебя информировать, только портить – продолжай любить берёзки.

– Слушаю любить берёзки! – приложив ладонь к виску, подскочил я.

– Да ты садись, – благодушно проговорил ректор. – К сути мы только подошли.

Я присел на краешек, напряжённо глядя на высокого старика в генеральской форме.

– Так я говорил о спонсорской помощи, – вкрадчиво начал Григорий Васильевич. – Приказ мой о твоём освобождении от политики не совсем законный и должен иметь веские основания. Маги с тобой будут работать без платы. А ты уже оплатил всех выпускников, и они тренируются на каких-то британских танках...

– Разреши телефон, Григорий Васильевич, – решительно попросил я.

– Валяй, – пододвинул ко мне аппарат генерал-лейтенант. Я снял трубку и накрутил свой номер. Через три гудка трубку взяла Миланья и сказала добрым голосом:

– Квартира боярина Большова слушает.

– Это я, Тёма, – молвил я официально.

– Ой! – откликнулась Миланья.

– Где Катя? – спросил я.

– В спортзале с подружками! – дoloжила она. – Велела пока не беспокоить.

– Тогда передай ей, – сказал я строго. – В Корпус два десятка тренажёров «Рысь-1» и два десятка самих танков. Срочно!

– Срочно не надо, – вполголоса проговорил Григорий Васильевич. – Пусть со мной свяжется.

– То есть по этим вопросам нужно Кате поговорить с ректором, – сказал я.

– По поводу тренажёров и танков Кате поговорить с ректором, – повторила Миланья. – Передам. А у тебя там всё хорошо?

– Хорошо, – сказал я и положил трубку на рычаги.

– Это дело нужно провести через общественность, осветить в прессе. Недели через две, – благодушно сказал генерал-лейтенант. – Да ты ещё молодой, тебе оно неинтересно. У тебя дальше физкультура?

– Так точно! – вскочил я, отковыряв.

– Прилежно там занимайся и веди себя хорошо, – строго молвил ректор.

– Слушаю прилежно и хорошо! – ответил я, держа ладонь у головы.

– Ну, достал уже тут орать, – поморщился генерал-лейтенант. – Свободен.

– Есть! – сказал я и строевым шагом направился к двери.

– Заявление о желании не забудь у секретаря подписать, –

в спину мне проворчал Григорий Васильевич.

* * *

Жучирин Сергей Викторович тоже провёл эти дни довольно погано. В четверг к утреннему кофе Танечка подала свежую прессу. Начал Серёжа с «Московского еженедельника». Он хорошо представлял, что там печатают, но ему нравилось держать в руках газету, которой он дал настоящую жизнь.

За какие-то два месяца тираж вырос вчетверо, число подписчиков втрое! А с ними подскочил ценник на скрытую рекламу. Уж Сергей-то об этом хорошо знал, он же был с редактором в доле.

Значит, отпил он кофею, взял в руки газету и сказал:
– Тпр-р-ру! – покрыв статью князя коричневыми пятнами.

Вся его жизнь повисла на волоске! Генерал прав, конечно, в случае гибели Артёма на дуэли, Епархия не разорится, и англичане не потеряют вложений. Но от гордумы в фонд придут аудиторы с полномочиями, а это господину Жучирину прямо как серпом в промежность.

Серёжа не забывал делиться с начальством, иначе бы он просто не усидел долго даже на собственном фонде. А откуда деньги? Уже значительная часть новых займов шла на уплату процентов по старым. За один этот факт ему лично

светили конфискация с повешением, а иерархи, конечно, от всего отойдутся.

И никто ведь не вспомнит, что без него бы ничего не получилось! Это Серёжа привёл того англичанина к Артёму, и рейтинги его газеты взлетели до небес. Именно тот англичанин устроил встречи ловким дельцам с боссами Сити, на которых этим людям дали сказать хотя бы два предложения.

Но что стоит уже оказанная услуга? Хорошо, что Сергей давно разучился верить всему, что видит, начиная с Деда Мороза и заканчивая участливым начальством. Он же не только с боссами делится, себя не обделяет за труды тяжкие.

А денежки в Британии, вложены через того самого англичанина, сгубить которого Сергеем – только рот открыть. Этот британец ведь русский шпион, просто негде ставить пробы – даже его дом куплен на русские деньги.

Серёже потребовалось добраться до британца и своих денег. И, вообще, в Англии ему будет спокойнее, эта страна ещё не выдавала финансовых преступников. Однако быстро туда убраться никак не успеть.

Для литерных самолётов дипломатов Серёжа статусом не вышел, а одна только виза в Британию из Москвы потребует месяц. Потом с визой на руках ещё нужно покупать билет и ждать авиарейса неделю, или двое суток ехать поездом до Риги, а потом на пароходе, постоянно ожидая слов:

– Руки за спину, ты арестован.

И чужие руки вытащат его «Парабеллум»! Ведь финансо-

вым преступникам не положен свой пистолет! И только финансовые преступники едут в Англию! А Сергей не такой!

Ну, пока Тёму не убили на дуэли, и гордума не назначила аудит в Епархии. Не нужно пороть горячку, и не стоит отрываться от финансовых потоков. По трезвому размышлению, господин Жучирин решил пока в Британию не ехать.

Почему бы для начала ему не отправиться в Швецию? Вот же лежит заявка из данного королевства – некий барон предлагает свои земли. Может же Сергей на них хотя бы взглянуть?

Уведомление о приезде мага можно направить телеграфом, а пока спокойненько поездом до Риги. Для транзита мага Новгородское княжество разрешается уведомить за день, только опасно покидать транспорт и вокзалы. Там как раз Танечка снова телеграммой сообщит о результатах дуэли Артёма.

Если его, не дай боже, убьют, придётся драпать нелегальном сначала в Польшу. За неделю Сергей справится, как раз столько потребуется для объявления его в розыск. Ну, а коли победителем будет Тёма, до следующей его дуэли господин Жучирин доплывёт на пароходе до Швеции.

Там визу в Британию дают всего за неделю, и проще договориться с частными авиаперевозчиками. Сергею хватит времени оттуда улететь в случае чего. Если же Артёму продолжит везти, инспекция в Швеции затянется – нельзя же упускать такие сочные сделки.

А для поддержания финансовых потоков господину Жу-чирину нужно лишь знать нехитрый шифр и сообщить контрагентам свой адрес в королевстве. Всё равно ведь земли остаются в Гардарике, а фунты в Британии.

Осталось лишь проинструктировать Танечку. Сергей нажал кнопку звонка, вызывая девушку.

* * *

Секретарь к моему выходу из кабинета приготовила документ и ручку, так что забыть подписать заявление я просто никак не мог. Оставил автограф, подхватил сумку и вышел из ректората.

До вторника кадетская жизнь катилась по военным рельсам практически без эмоций. Но вот я вместо политинформации прошёл в спортзал. Там уже почему-то переодевался чертёжник.

– Здравствуй, Дементий Архипович, – сказал я. – Ты тоже будешь заниматься?

– Угу, – ответил он, шнуруя кеды.

Носил он звание капитана и был в принципе неплохим мужиком – другого бы ректор не потерпел. Однако имел чертёжник наружность одного известного в не магическом мире польского политика, к тому же только что откушавшего говна. Характер его соответствовал внешности и фамилии Козлов, потому за глаза кадеты его... э... чертёжником называ-

ли редко.

Короче, послал бог очередное испытание за тяжкие мои грехи. Я тоже стал переодеваться, рассуждая про себя, что ректор не говорил о тренировках преподавателей. Хотя оно логично, учителям тоже нужно поддерживать себя в форме, особенно коз... э... чертёжнику с его характером. Остальные, наверно, задерживаются. И кто будет вести? Неужто сам ректор?

Чертёжник тем временем переоделся в спортивную форму и вышел на середину зала зачем-то с объёмистой сумкой. Я по-кадетски быстро тоже надел спортивное и, неуверенно оглянувшись, подошёл к нему.

– Ждёшь кого-то ещё? – неприязненно осведомился капитан.

– Э... – развёл я руками, не находя слов.

– Не жди, заниматься с тобой буду я, – мрачно молвил капитан и распорядился, поставив сумку между нами. – Надевай защиту.

Я в лёгком шоке присел возле баула. В нём нашлась фехтовальная экипировка. Я сначала подал ему маску и жилет, потом облачался сам. Помощи капитан Козлов не предложил, зато рожу свою прикрыл маской, и стало можно на него смотреть.

Он вынул из сумки шпаги и сказал, будто из одолжения:

– Фехтованием тоже позанимаемся, но главное – боевая магия...

Тут у меня в мозгах кто-то открыл шлюз недоумению. Магии он будет меня учить? Да этого чертёжника хватает только нарисовать идеальный круг заданного радиуса, что на доске, что на бумаге! Кому нужны эти круги?! Я сам просто стесняюсь делать ему мозг!

– Ну, чего застыл? – спросил он грубо. – Захлопни рот и возьми шпагу.

Зачем же ректор заменил один бесполезный час другим?! Ради танков?! Да я бы и так их отдал Корпусу! Он просто издевается, что ли?

– Тебе что сказали?! – повысил голос Козлов, протянув ко мне шпагу эфесом.

Ах, шпагу взять! Не я это предложил! Я решительно потянулся к рукояти...

И не сразу понял, что рука не хочет подниматься. И не то, что её отстегнуло – напрягается до дрожи, но вверх никак.

– Что-то с правой рукой? – участливо уточнил капитан.

Я попробовал взять шпагу левой. И вы, наверное, будете смеяться – та же самая ерунда.

– Теперь ты понимаешь, чего стоит твоя магия? – насмешливо сказал чертёжник. – Кстати, можешь попробовать зубами.

Без твоих подсказок бы никак не обошёлся! Туловище не гнётся! Только напрягается и начинает дрожать в ответ на простой приказ...

– И ты, гадёныш, пытался делать мне мозг, – весело ска-

зал преподаватель. – Думаешь, это от меня наказание, что я на тебя злюсь? – он грустно вздохнул. – Да если б не приказ ректора ты бы так и доучился в уверенности, что можешь делать мне мозг! Это тебе первый урок. Человек может чувствовать твои магические потуги и подыгрывать, чтобы ты ничего не понял.

Я его слушал и пробовал схватить эту несчастную шпагу руками или зубами. Пусть говорит, что хочет, я всё равно сильнее!

– Ну и первое тебе задание, – весело сказал Козлов. – Просто возьми шпагу.

Так, что-то я делаю не то. Злость это круто, но должны быть и другие способы усилить волю. Я ведь на самом деле ничего этому козлу не сделаю, к тому же он во многом прав. Нужно попробовать другое чувство, жалость для начала...

Он почти весь урок простоял передо мной. С маской на лице. Чтобы я не видел его взгляд? Он куда-то смотрит? Ладно, передохнули. Я снова сосредоточился на рукояти...

И внезапной оплеухой врезал ему по уху, сбивая маску. Он отвлёкся, и я ловко схватил клинок.

– Уф! – сказал капитан. – Молодец, быстро учишься. Я думал, что первое задание тебе на неделю. Давай шпагу и пошли переодеваться, скоро звонок.

Я вернул ему клинок и, снимая маску, проворчал:

– Извини.

– Не за что, – ответил он, направляясь к лавочке. – Ещё

хорошо, что не с ноги залепил.

Я сказал ему в спину:

– За всё извини.

Он обернулся ко мне у лавки. Грустно улыбнулся и проворчал, отстёгивая жилет:

– Проехали. Помоги лучше.

* * *

В обед приехала Катя. Я на неё смотрел и подписывал бумаги. Она хмурилась и говорила чудным своим голоском:

– Не пачкай стол! Посмотри же на документ.

А когда я всё подписал, нахмурилась ещё больше и сказала:

– Сергей Жучирин почему-то уехал. Экономка говорит, что в Швецию.

– Ну, может, у него дела, – отвечал я и смотрел на Катю.

– Может, – проговорила она и улыбнулась. – Ну, пока. Иди учиться дальше.

– Пока, – сказал я, провожая её фигурку глазами.

И когда она вышла, пошёл учиться. Прибавилось мне мороки, скажет кто-нибудь в возрасте. Не буду отрицать, прибавилось, но и недовольства этим не выскажу. В семнадцать лет всё кажется интересным, особенно магия и шпаги.

Таково, наверное, свойство человека – до определённого возраста он должен выживать, а значит чему-то учиться. Ну,

другого способа выжить люди не придумали. А когда уже всё равно, можно и о душе подумать.

И у капитана Козлова нашлось чему учить. Думаете, схватил шпагу и всё на этом? Оно даже не начало, только вступление. Мы с учителем разбирали фехтовальные связки, и он иногда просто запрещал мне какое-то движение, словно блокировал в моей голове идею. Я честно пытался с этим бороться и одновременно искал обходные пути.

Он каждый урок надевал маску. Я не должен догадываться о применении магии по его взгляду, только предполагать и чувствовать. Ну и чтоб глаз не лишил ненароком.

Хотя это он сказал ради смеха, ведь я просто не мог в него попасть. Козлов всегда оказывался немного в стороне, даже если просто стоял с опущенным клинком. Я тыкал, тыкал, и всё без толку!

– Теперь ты понимаешь важность глазомера и твёрдой руки? – насмешливо спрашивал он.

Чертёжник пользовался инструментами изредка, иногда себя проверяя линейкой. Он от руки рисовал круги, прямые и разные хитрые линии. Я в него старался попасть и клялся себе, что когда-нибудь смогу также.

Подружиться с ним не получилось, он сам говорил, что с сильными боевыми магами дружить очень нелегко. Используют же просто и забудут. Но на отдельные мои вопросы всё же ответил, чтоб без недомолвок.

– Как мог ректор меня заставить? – переспросил капи-

тан. – А что ты о нём знаешь? Не смотри на его вид, примерно также ты судил и обо мне, – усмехнулся он. – Запомни только, что ему намного больше ста лет. Не ожидал?

Что там не ожидал! Я не дал бы Григорию Васильевичу и семидесяти, так прямо он держался.

– И ректор меня просто попросил, – продолжил чертёжник. – Маги очень неохотно делятся знаниями, но с тобой можно, – он засмеялся. – Ты же смертник! Твоя задача продержаться максимум!

С этим спорить трудно, но я всё-таки нахмурился. У меня другие планы на свою жизнь, я, может, мечтаю увидеть большую войну.

– Ладно, не хмурься, – добродушно сказал мне Дементий Архипович. – Я тоже верю в твоё дело. Наверное, русское свойство – не верить никому, особенно европейцам.

– Кое-кто им верит больше, чем своим, – проворчал я.

– Эти кое-кто просто считают себя самыми умными, – ухмыльнулся чертёжник. – Вот ты и покажешь, как они ошибаются. Ну, хватит болтовни, атакуй.

* * *

Я думаю, что любому человеку нужно с кем-то почувствовать себя умным. Чертёжнику, например, со мной. А я с того ещё мира накрепко усвоил – можешь считать до десяти, остановись на семи.

На его уроках я запретил себе тотемный транс. Чертёжник кое-что слышал о тотемных, вот пусть и остаётся с непроверенными слухами. Его дело только учить меня боевой магии.

Зато я ничем не ограничивал себя час дополнительных занятий или целых два, если не наказали окопами. Рыжие близнецы тоже в трансе очень стараются попасть в меня шпагой. Пока по очереди.

Выхожу я из транса через короткую медитацию, но она занимает у меня какие-то минуты. Ну, а сваливаюсь в тотем просто в схватке, хотя и строго по желанию. И в походе я же свалился в транс два раза за день!

Попробовал и теперь просто совмещаю. Настраиваюсь сразу на два часа транса, только близнецы должны постоянно со мной драться – иначе рыси неинтересно, уходит. Так оно и происходит, через полтора часа тупо падаю на четыре точки, тяжело дыша ртом.

А ребятам таки есть, чем привлечь дух зверя. Парни ведь физически меня сильнее и в тотеме усиливаются на половину. Только ещё не всё умеют со шпагами, и магия даже против тотемных классная штука. Помогает простоять в трансе больше.

Я ведь учусь у капитана не только преодолевать или обходить воздействия, хотя против него применять ещё стесняюсь. А тут перед кем ломаться? Сразу и применил, о чём всего лишь догадался. И знаете, даже неопытного меня рыси не вывозят.

И я же им ничего не объясняю. Особый шик применить магию так, что противник и не поймёт, почему проиграл. Правда, парни считаются молодыми, а до опытных мне ещё нужно дожить...

Я это к тому, что некоторые девочки ужас просто, какие красавицы и умницы, но ду-у-уры! Вот Катюша моя просто прелесть и думает, что я ничего не понимаю. Пусть и дальше думает, ей вредно переживать.

А всё ж на самом деле просто. Православный фонд состоит изначально из моих земель, под них что-то Сергей получил в Британии. Учитывая проблемы капиталистов, весьма близко к полной стоимости в фунтах.

Но дальше другие земли берутся под мою готовность принять дуэль, то есть платят за них около половины. Слов нет, другой боярин коллегам может предложить больше! Допустим, шестьдесят процентов! Коллеги за земли деньги примут и вторым ходом боярина убьют. А если он хороший и убивать его не за что, просто не станут с ним связываться.

То есть у меня пока монополия, а Сергей сидит на сделках. Сколько он с умной головой реально выделил за земли, сколько на самом деле взял с британцев – покажет допрос с пристрастием. Конечно же, после статьи князя у него нашлись дела в Швеции. Странно даже, что он ждал от князя пенделя.

Эти мысли посетили меня вечером в четверг, когда я после быстрого ужина засел в аудитории делать самостоятель-

ную работу. Днём же просто некогда. Вот только я сел, как в класс вошёл кузен Миша. Подошёл ко мне, крепко пожал руку. Мол, я и так на политинформации сам знаю за что. И, уходя, оставил мне свежий выпуск «Московского еженедельника». Может, я ещё не успел ознакомиться.

Я, конечно, первым делом принялся записывать самостоятельную работу, уже зная, что придётся в классе задержаться. Ничего особенного, тотемный транс я перенёс на дополнительные занятия, можно и оторвать у сна часик.

Действительно нужно ознакомиться с «Московским еженедельником», моя ведь газета. И, чёрт побери – что такого говорят теперь на политинформации? Как бы узнать?! Ну, не спрашивать же об этом у ребят!

* * *

Усилием воли я успокоился и сосредоточился на выполнении учебных задач. Никакая политика учёбу не отменит. Целый час аккуратно записывал в тетради каллиграфические буквы и цифры, вычерчивал графики.

Убедившись, что всё сделано на «отлично», я закрыл последнюю тетрадь и грустно вздохнул. Хотелось почитать ещё и по истории, но сон тоже важен. Иногда следует знакомиться и с нынешним миром.

Я развернул «Московский еженедельник» и начал чтение с передовицы. Как и следовало ожидать, это был ответ на

статью князя. Подписи под ответом не стояло, автором его можно считать всю редакцию.

Выдержана статья была спокойно и чуточку насмешливо. Начиналась она даже с полного согласия с князем. Он прав в том, что каждому человеку в Гардарике когда-нибудь придётся дать ответ пострадавшим – что же он сделал, чтобы они пострадали меньше.

Князь спрашивает боярина Большова, но хочет ли он услышать ответ? Боярин Большов со своих позиций ведь отвечает чётко. Несовершеннолетний пацан Артём заявляет – дяди и тёти, я не верю, что вы всё сделали для моей безопасности!

Что сказал Князь Москвы по существу претензий? Он указал, что Артём ещё мальчик, и что князь очень хочет его убить.

Боярин Большов говорит европейцам – не лезьте ко мне, я готов защищаться! Князь Москвы его оспаривает и приглашает своих последователей вызвать на дуэль боярина Большова за то, что тот говорил с европейцами.

Артём Большов отлично учится в Кадетском Корпусе, готов с оружием в руках защищать Родину. Он укрепляет дружину, вкладывается в оружие, привлёк общественное внимание. Князь называет это истерикой.

Хорошо, поверим князю и вернёмся к повседневным своим делам. Но дело ведь не только в Князе Москвы, не он один считает европейцев слишком цивилизованными для нападе-

ния. В Гардарике много «обществ дружбы» с европейскими странами, давайте посмотрим на них, дадим им слово.

Текста для первой страницы относительно немного, под ним поместили коллаж из горящих танков, падающих самолётов и гибнущих кораблей. Я перевернул страницу. Новости страны пропустим, переходим к существу.

Первым выступил Председатель общества дружбы с Польшей. Тут я прыснул и пропустил материал. Лично мне хватило «дружбы с Польшей»! Не знал даже, что такое общество у нас есть.

Дальше выступил Председатель общества дружбы с Германией. Тоже весело, но после Польши можно и почитать. Дядька маг и целый почётный профессор университета в Кёнигсберге. По его мнению, я редкая скотина, и по мне хорошо видно, что русские не понимают немцев. А они все такие хорошие! Прямо такие – описать от умиления.

Под его заявлением короткая справка: он владеет домами в таких-то городах Германии, в таких-то акционерных обществах почётный директор, а в таких-то просто владеет пакетом акций. Квартиру в Москве для него арендует общество. Само общество полностью содержится Берлином. Прилагаются красочные фото.

Я листнул страницу и попал на Францию. Тоже возглавляет маг и почётный профессор Сорбонны. Я редкий урод и яркий пример того, что русские не понимают французов. А они все такие лапочки! Прямо такие – держите меня семеро.

Под заявлением справка по той же форме: У дяди нет имущества в Гардарике, даже квартирку снимает общество. Зато во Франции, и хоромы, и титулы, и акции. Общество полностью содержится Парижем. Фото прилагаются.

Дальше шла Австрия, которую я просто просмотрел. Ну, я гад, австрийцы мими-мишички, и русские их не понимают. У дяди всё, что нажито непосильным трудом, находится там, и сам он со всем обществом на содержании Вены.

Испанию, Италию и Британию я пропустил, перешёл к мнению редакции. И они, конечно, не подвели. Теперь нам ясно, за кого выступает Князь Москвы, а кто топит за него! Мы всё бросим и станем изучать тонкие натуры европейцев, других забот у нас нет. А к войне с этими ути-путичками и лялечками пусть готовятся всякие психи, кто верит Артёму Большову.

На следующем месте я увидел материалы о подготовке к войне зимой, которые обещала Катя. Не порядок. Это нужно передвинуть выше, а любители всякой мути могут и полистать.

Проглядел по диагонали описания нашего юного героизма. Фото стрелковых ячеек в снегу, кадеты на лыжах, техники матерят британские танки. Беседа с инструкторами о необходимости зимних походов. Лично мне ничего интересного.

Зато потом прочитал статью о зимних учениях в моей дружине. Майор Бирюков отчитался, что пока заявления по

собственному написали всего пять процентов состава. Но он учения продлит, задачи углубит и, благодаря обществу, распространит этот опыт на всю Гардарику. Её армия должна воевать зимой так же эффективно, как летом.

Закрыв и отложив газету, я посмотрел на часы. Без двадцати пяти одиннадцать, всё-таки осталось время для истории. На статью точно хватит...

* * *

Пятница хорошо запомнилась, благодаря визиту Кати. Я смотрел на неё, подписывал документы и слушал её голосок:

– Ты меня слышишь вообще?

Я кивнул.

– Говорю, что Серёжа нашёлся. Позвонил нам из Швеции, прямо из Стокгольма, только приехал! – сказала она.

Я снова кивнул.

– Иди, учись дальше! – проговорила она, уходя.

– Пока, – вздохнул я грустно и пошёл, конечно.

А так и добавить почти нечего. Жизнь по расписанию тем и характерна, что тянется долго-долго, и пролетает в один миг. Оглянуться, вроде бы, не успел, а уже суббота, я стою в строю кадетов по стойке смирно и слушаю инструктора. В кои-то веки я попал в список, лишённых отпуска!

Но сразу за инструктором слово взял ректор:

– Большов!

– Я! – говорю весело.

– Выйти из строя!

– Есть! – и делаю три уставных шага.

– Тебя вызвал на дуэль московский боярин Куликов! – сообщил Григорий Васильевич. – Если ты принимаешь вызов, мы должны дать тебе отпуск на день дуэли. Ты принимаешь вызов?

– Так точно! – отвечаю радостно. – Завтра в десять утра у Перунова камня на пистолетах. Прошу быть моим секундантом.

– Конечно, буду, – говорит генерал-лейтенант и вдруг виновато спрашивает. – А две дуэли вывезешь? Тут ещё и боярин Бочкин тебя вызывает.

– Так точно! – чуть не заржал я в голос. – Завтра в восемнадцать у Перунова камня! Пистолеты! Прошу быть моим секундантом!

– Не! Второй раз пистолеты дурной тон, – покачал головой ректор.

– Тогда завтра в восемнадцать у Перунова камня. Шпаги. Прошу быть моим секундантом!

– Вот теперь буду, не опаздывай, – молвил добрый дедушка. – Становись пока в строй.

Я поворачиваюсь к строю. На мне сошлись ошарашенные глаза пацанов. Иду на место и думаю, чего им так удивительно. Аж неловко. Ну, шпаги для военных необычно, но ректор же сказал, что пистолеты дважды в день некрасиво.

Глава 4

Тут я должен поблагодарить пытливого читателя за то, что постоянными напоминаниями не позволил забыть о Первой Мировой Войне. Как и обещал, возвращаюсь ненадолго к этому вопросу.

Начну традиционно с Польши. В моём романе она в описываемый период существует и в чём-то даже процветает, хотя в магически отсталой реальности её тогда не было. И её отсутствие на карте стало одной из главных ошибок русского самодержавия.

В Гардарике же отсутствовало самодержавие, некому было совершать чудовищные ошибки, и поляки для русских всегда являлись иностранцами. Их ни в чём не убеждали, ничего в Польше не строили – поляков просто убивали, если война, как всяких немцев. И у самих поляков насчёт русских отсутствовали иллюзии.

Пусть к тому моменту уже полвека русские с поляками не воевали, ни на суше, ни на море, власти Польши хорошо знали, как оно бывает – такое впитывается в генотип.

И глупыми эти власти точно не были, чётко понимали, что в случае столкновения Германии и Гардарики, независимую Польшу просто порвут, придётся выбирать сторону. Раз поляки ни в какую не желали воевать против русских, оставалось только за них – простая логика. Польша была уверена,

что Гардарика влезет в войну.

Поляки первым делом всегда докладывали в Лондон. Англичане очень хотели поверить полякам, а то ж Гардарика уже столько веков серьёзно не воевала, и жизнь сэров была унылой и тяжкой.

Британия не смогла стать мировой фабрикой, ей всё время кто-то мешал. На тот момент главными конкурентами являлись Германия и Австрия. Уничтожить их руками Гардарики и занять на русском рынке доли немцев – об этом сэры грезили в мечтаниях.

Они тоже думали, что Гардарика полезет в европейскую войну, и старались её всячески расшевелить. Только получалось как-то набекрень. Та же Русско-Японская война, которую в магическом мире так никто не называл, длилась уже десять лет, и радости сэрам не приносила.

Японцы влезли в Корею и Манчжурию и увязли в кровавых боях с китайцами и корейцами, которых оружием и добровольцами поддержало Восточное Царство. Это царство разорвало с Японией любые сношения, повесило подданных Японии на своей земле и топило все японские корабли.

Восточное Царство связывала с Гардарикой железная дорога, и оно получало всё необходимое, но сама Гардарика будто не понимала, что происходит. Княжества не послали через весь мир эскадру броненосцев, не объявили Японии войну, вообще никак официально не отреагировали.

Просто регулярно выходили из баз русские крейсера, бои

на фронтах требовали всё больше ресурсов, особенно людей, и конца этому ужасу не просматривалось. Япония надеялась «есть пирог по частям», решать задачи в коротких победоносных войнах, после которых ей дадут передохнуть. Затяжной кошмар, который и войной никто не называл, стал для японцев неожиданностью.

Когда Япония всё хорошо осознала, очень захотела, чтобы Гардарика вошла в большую европейскую бойню. Тогда бы вырисовывались перспективы хоть на какую-то передышку или даже на заключение договора с Восточным Царством.

Британские сэры также всю активничали в Бизантии. Эта империя приносила Гардарике немалые выгоды, но её поддержка требовала всё больше сил и ставила под вопрос её существование.

В балканских и греческих провинциях при поддержке с севера постоянно вспыхивали мятежи, перерастающие в войны. Гардарике лень в них было участвовать, а турки просто всё не вывозили.

Бизантия или Турция, как её ни обзови – это образование на самом деле являлось «больным человеком Европы». Коррупция в Царьграде достигала непостижимых русскому уму значений. Провинции раздирали религиозные распри, в Исламе тоже есть направления.

Метрополия вынуждена была дать провинциям автономию, чем сразу воспользовались сэры. Они дудели туркам в уши, что вот при равнодушии Гардарики империя потеряла

придунайские земли, уходит на острова из Греции, на Балканах тлеет и постоянно вспыхивает война. Гардарика уже списала Бизантию и только выжимает из империи остатки!

Кое в чём британцы были правы, и турки это понимали. Гардарика волнуют лишь интересы Гардарики, она и пальцем не пошевелит для спасения утопающего, если пусто в его карманах. Да и само спасение уже тогда влетало в копеечку – я уже писал об ужасном оружии Новой Эпохи.

В Бизантии считали, что Гардарика обязательно их кинет в большом замесе, и сами выбрали сторону немцев. Север русские перекроют, остаётся юг. Воюющим странам нужно очень много еды и всего на свете. И срочно!

А за это немцы позволят туркам утопить в крови Балканы другим в назидание, а то слишком те стали от всех независимые. Австрия даже обещала принять участие, если у турок не всё пойдёт гладко.

В общем, в Бизантии тоже не сомневались, что Гардарика вопрётся в европейскую бойню, и планировали войти в Закавказье, на Кавказ, и поставить вопрос о Русском море. Название этим уродам никогда не нравилось, так что нечего их жалеть.

Здесь я извиняюсь перед немцами. Они, конечно, не такие уж злодеи, и вообще злодеи не они одни. Венгрия завоевала независимость, но, пораскинув независимым своим умом, заключила военный союз с Австрией.

Просто экономические связи живут своей жизнью, а неза-

висимость в чистом виде плохо мажется на хлеб. Славянские чехи и словаки посмотрели на Венгрию и независимостью даже не заморачивались. Впрочем, поляки тоже славяне, это ни о чём не говорит.

И вот мы подходим к противной для немцев стороне, к Франции. Она нехило отоварилась во Франко-Прусской войне, потеряла Эльзас и Лотарингию, заплатила репарации и мечтала всё вернуть, только репарации французы желали содрать втрое. Или даже вчетверо. Ну, проценты же набежали. У них всё, даже мороженое звалось «реванш».

Немцы обоснованно считали их реваншистами и усиленно готовились к агрессивной войне. Такая у них природа, что другая война в их головы просто не приходит. План у немцев был простой, напасть первыми и разгромить французов, пока Гардарика собирает свои легионы.

План немцев обсуждался в европейской прессе, во французской особенно активно, и французы надеялись только на русских. Ну, русские же просто обязаны спасти Францию, чего бы это им не стоило! Это же в привычках русских, всех спасать!

Хотя мы сейчас говорим о Гардарике, а за этими куркулями такого не водилось. Потому французы тоже готовились напасть на немцев, видели, что отстают, поэтому предложили русским денег. Подкупать княжества и королевства ни у какой Франции бы денег не хватило, поэтому магические русские ради такого случая создали Совет по делам Фран-

ции и путём долгого торга стрясли с франков кругленькую сумму.

Французы решили, что дело в шляпе, Гардарика за них, потому на всех чихать хотели. Испанцы с португальцами почесали свои прямые носы с горбинками и решили, что ну его на фиг. Заранее объявили себя нейтральными. Испанцы для всех желающих даже открыли Гибралтар и заявили, что никогда особо и не претендовали.

Англичане же на своих островах рассчитывали на успех и ждали, держа кулачки сжатыми. Они же такие умненькие и всё так умненько придумали и организовали. Гардарика в любом случае влезет в войну, и тогда Британия ещё посмотрит, оставаться ли нейтральной или за кого-нибудь встать.

Если русские будут слишком сильно и быстро лупить немцев, можно вспомнить об изнывающих под русским игом скандинавских королевствах. Давно пора обрести им свободу! Если же русские от немцев выхватят, то придётся Гардарике помогать, чтоб продержалась подольше. Потом княжества всё равно разбегутся от войны, и королевства Скандинавии обретут свободу несколько позже.

* * *

И вот наступило лето 1914-го года, и в Сараево какой-то сербский студент застрелил высокого австрийского гостя. Началось! Не очень тайные до этого военные союзы стали

явью. Бизантия и другие центральные страны Европы полезли на Сербию. Немцы с союзниками и французы начали мобилизацию, но Франция отставала. Она же смотрела на Гардарику...

В ступоре смотрела. Некий московский боярин Салтыков назвал главу Совета по делам Франции предателем и застрелил того на честной дуэли. Из Совета по делам Франции вышли все княжества и королевства. Гардарики не начала мобилизацию. А исполняющий за посла маг Лукьянов, когда его вызвали в Тюильри и высказали недоумение, сказал франкам:

– И чо?

Польша осторожно перевела дух – кажется, Гардарики вовевать не станет. Но как ещё поведут себя немцы? А Германия через три недели войны торжественно вошла в Париж!

Сэры на своих островах все эти недели материли русских про себя, в печати и при личных встречах. Немногие из застигнутых сэрами в Лондоне русских только разводили руками – сами не поймут, они тут причём! А в Москве сэры лишь холодно улыбались, там ведь за оскорбления иноземцев вешают.

Вот выругались сэры и объявили Германии, Австрийской империи, Венгрии и Бизантии войну. Направили они во Францию войска, и общими усилиями удалось немцев после Парижа остановить и совсем не сдаваться.

На Балтике делать стало нечего, не хватало только в этом

положении озлоблять против себя русских, потому часть британского флота появилась возможность отправить в Средиземку. Базировались поначалу у французов, но потом и Испания при таких делах за небольшую плату предоставила свои порты.

Бизантия и Австрия неожиданно получили на орехи в Сербии и отступили, пришлось снимать с фронта и перебрасывать туда немецкие дивизии. Франция к тому моменту закончила мобилизацию, и франко-британские войска перешли в наступление. Париж отбили назад, и в войну на их стороне вступила Италия.

Австрийский фронт удлинился, пришлось лупить макаронников. Снова выделили для этого дивизии, и условно «западные» не преминули этим воспользоваться – бросили в топку бойни ещё несколько десятков тысяч жизней и продвинулись вперёд.

Немцы сначала с опаской поглядывали на восток и держали на границе какие-то дивизии. Но вот Гардарика создала Совет по вопросам мировой войны, и первым своим указом от имени княжеств он заявил, что всё Франции прощает.

Французы же, суки такие, за своё поганое золото хотели подвести русских под гибель! Вот на этом основании русские выгоняют пока посла Франции, а нового примут, когда французы сами откажутся от претензий к Гардарике и заплатят ещё за умысел. Размер компенсации обсуждается.

Немцы восхищённо прошли мотом по этим куркулям

и сняли дивизии с востока. Как раз побежали итальянцы, и турки в Сербии стали справляться сами. Собрали германцы и австрийцы силы в кучку, отсыпали франко-британцам и снова вошли в Париж. Правда, на этом опять кончились силы.

Немцы совсем передумали воевать с Гардарикой, как только попали в неприятное положение и убедились, что русские не хотят воевать с ними. Бесплатно! То есть почти.

Гардарика продолжила торговать, как и раньше, доступно абсолютно всё без ограничений. Только цены поползли вверх. И чем сильнее проигрывала Бизантия в Средиземном море британцам, итальянцам и французам, чем меньше оставалось собственных ресурсов, тем выше становились цены в Гардарике.

Немцы, конечно, пытались это как-то компенсировать. До войны что-то сделать с флотом королевств и Новгорода они даже не планировали. Все проблемы на море должен решить быстрый разгром русских на суше. Свой флот они затачивали против Англии.

И тут такой подарок! Делай в Балтике, что хочешь, но соблюдая правила – за порядком следят русские. Канал через датские земли Гардарика отрыть не позволила, зато ходи спокойно через проливы. И в королевствах жизнь дешевле, они, как прежде, принимают в портах военные суда для бункеровки и забора продовольствия.

А вот дальше, в Северном море, начиналась война. Под-

лодки топили транспорты и их тоже топили. Крейсера Германии и Британии крыли друг дружку артиллерией, но блокировать острова не получалось.

В Средиземном же море и на Балканах немцы ничем туркам помочь не могли или не хотели. Бизантия с союзниками разгромила сербские регулярные войска, и сербы перешли к партизанской войне. А вот в ней турки не победили бы и за тысячу лет, и война эта сжирала все их ресурсы. Но и бросить Балканы турки не могли, так терялся весь воспитательный эффект.

На море же британцы, французы и итальянцы спокойно высадились в Марокко и всего за год прошли через провинции Бизантии до Египта. Флот «западных» союзников загнал оставшиеся корабли турок в порты.

А Гардарика взидала на это почти равнодушно. В «освобождённых» провинциях для её купцов оставались те же правила. Никто не дёргался на корабли под её флагом. И Бизантия не посмела даже просить убежища для своих кораблей в Русском море. Потопят же нахрен, ещё и с претензиями припрутся.

Франция и Англия, устав смотреть на куркулей с востока, обратили взоры свои на жлобов за океаном. Вот только сами виноваты, что не дали когда-то возникнуть мощному союзнику, а у союза трёх федераций нет даже президента, кто может объявить войну.

Федерации, конечно, очень сочувствовали Франции и Ан-

глии и слали им помощь. На тех же принципах, что Гардарика торговала с немцами. Только не надо тут ухмыляться! Франция и Англия залезли в долги, собрали в кучу ресурсы и взяли Париж обратно!

Правда, потом немцы залезли ещё в большие долги в Гардарике и снова вошли в Париж. Польша ликовала. Через неё движутся миллионы тонн грузов, и сами поляки за достойную плату участвуют в их создании. Умные поляки обогащались и вкладывали деньги в Гардарику. Ну, не в Польшу же, ежу ясно, что этот праздник не навсегда. А в Америку далековато.

Японцы сидели на коленях под ветвями сакуры, медленные слёзы текли из раскосых глаз, и они наблюдали полёт розовых лепестков. Когда все лепестки облетят, французы вернут Париж. А когда вишни зацветут, немцы возьмут Париж снова. И Америка не вмешается, ведь за ней сразу шарахнет кулаком по столу Гардарика.

Сию секунду русские топят японские корабли, и японские солдаты гибнут от русского оружия, но эта европейская бойня не принесёт Японии ничего. Выиграют в ней русские и американцы, а участники, оставшись с одними долгами, выползут из войны на брюхе и будут им платить.

Не раз ещё зацветёт сакура до начала нового европейского замеса, от которого Гардарике не отвертеться. Только бы дожить. Только бы это чёртово дерево не сгнило!

Автомобиль я вызвал заранее, не глядя в табели успешности. Спокойно прошёл через территорию Корпуса, на КПП предъявил документы и направился к машине. Охранники встретили меня, будто вчера расстались.

Дома нас ждала только Миланья...

Вот что у неё за привычка так смотреть на меня и креститься? Она смутилась, сказала, что последит за собой, и ушла на кухню. Я же неспешно снял верхнюю одежду и прошёл в кабинет.

Просмотрел отчёт Кати за неделю. Дела в целом налаживаются, немедленный переезд под мост уже не грозит. Приободрился и поставил на стол сумку. Нашёл там тетрадь, ручку и учебники по математике. В хорошем настроении успел записать решения двух задач из дополнительных, пока Катя не пришла.

Её я почувствовал ещё у выходных дверей. Я не прервал своего занятия, даже головы не поднял, только настроение моё ещё больше улучшилось. Но вот открылась дверь кабинета, и с порога Катя весело сказала:

– Какой молодец! Только домой и сразу заниматься!

Я поднял довольное лицо и проговорил:

– Привет!

– Привет! – молвили девушки хором, а Катя добавила. –

Бросай учёбу. В гостиной расскажешь нам новости.

Прошли мы вместе в гостиную, я уселся в своё кресло и сказал, что новостей особых нет, меня снова вызвали на дуэль. Только два раза. То есть я согласился на две дуэли в один день.

Возник спор об этичности моего поступка. Клава считала, что невежливо принимать вторую дуэль, не закончив первую. Этим я заявляю, что исход для меня решён, это может оскорбить вызвавшего меня человека.

Надя ей возразила, что о моём решении должен сообщить ректор, и его дело, когда он это сделает. На моём месте она бы этот момент с ним обговорила. Авдей же заявил, что бабы, как всегда, думают не о том. Вот ему кажется натянутым выбор шпаг на вторую дуэль. На это уже возразил Мухаммед, что пора мне всерьёз поработать шпагой, не зря же столько этому учусь...

Катя молча переводила круглые глаза с одной серьёзной рыси на другую. У неё на языке вертелось какое-то восклицание, однако ей было очень интересно, что ещё скажут дальше...

А дальше пришла Миланья и позвала всех ужинать. Все чинно прошли в столовую, расселись за столом, и за едой всякие разговоры увяли. Я допил компот, промокнул губы салфеткой и поблагодарил Миланью. Она ответила:

– На здоровье, – и я вышел из-за стола.

Все говорили Миланье «спасибо», выходили из-за стола и

направлялись в гостиную. Там я снова уселся в своё кресло, и Катя начала новый разговор. Она почему хватилась Сергея Жучирина? Я же сам приказал с ним связаться, чтобы Епархия направила в Корпус журналистов.

Не нашла Катерина Сергея и обратилась к своему наставнику. Вот с девочками ездила. Клава и Надя важно кивнули. Так наставник её внимательно выслушал и сказал, что ему тоже кажется тема войны зимой важной.

Он сам позвонит в редакцию газеты, и там Катю внимательно выслушают. Катерина туда уже ездила и говорила с редактором. А вот киношников наставник не обещал, хотя и попробует договориться. Слишком в Корпусе их неприветливо встретили, особенно боярин Большов чуть не на месте обещал их пристрелить.

– Да врут гады! – воскликнул я. – Я их только спросил, как они смотрят на дуэль с боярином! Просто спросил!

– Наверное, нервничаешь в Корпусе? – участливо проговорила Катя.

Я неуверенно пожал плечами.

– Две дуэли! – сказала она. – Целых две в день!

Я развёл руками, мол, так уж получилось.

– И тебя на каждой могут убить! – продолжила ужасаться Катя и решительно сказала. – К чёрту гармонию. Я не прошу себе никогда, если ты уйдёшь, ни разу не... э... ну, вечером.

А я же впадаю в транс сейчас на два часа! Рысь это должно заинтересовать.

– Только ты сможешь, как в прошлый раз? – тихонько уточнила Катя. – В этом... своём особом состоянии...

– В тотемном трансе, – серьёзно подсказала Надя.

Я уверенно кивнул. Катя встала и подошла ко мне. Провела по щеке пальчиком, ласково говоря:

– Тени вон под глазками. Ты в этом Корпусе совсем не высыпаешься, оттого и нервы! Может, пораньше пойдём?

Я снова кивнул, и она взяла меня за руку и потянула к двери:

– Тогда пошли. Всем пока!

– До завтра, – проговорили рыси в разнобой.

Она не обернулась, просто уверенно тащила меня по коридору за собой. Не теряя времени, я стал настраиваться на транс. Вошёл в тотемное состояние в спальне и заглянул во вдруг ставшие сумасшедшими её глаза. Подхватил на руки и завалил на кровать. Поцеловал и потянул с её плечиков платье. Она, тихо застонав, расстегнула на мне китель и скинула на пол у кровати...

Катя стонала всё громче и громче два часа моего воплощения. Духу рыси было очень интересно.

* * *

Утром Катя попробовала проигнорировать звонок будильника. Пришлось подключаться, меня проигнорировать сложнее. И ничего я учитывать не желаю! Какие два часа?

Ах, вечером! Да те часы, пока некоторые только охали, другие трудились! И сейчас тут разоряются!

Поднял я Катерину. Дальше душ и зарядка, оделись и практически ровно вышли к завтраку. Авдей с Мухаммедом уже сидели за столом и ели яичницу с сыром, ветчиной и томатами, Клава и Надя мрачно цедили кофе, а Миланья над всеми хлопотала.

Я учтиво поздоровался, усадил Катю и сам присел. Передо мною тут же, как по волшебству, возникла тарелка с яичницей, а перед Катюшей кружка кофе. Я деловито сказал Миланье:

– Кате тоже полноценный завтрак.

Экономка встала в нерешительности, Клава и Надя застыли, не донеся до ртов кружки, а Катенька грустно молвила:

– Я не буду.

Отрезая кусок яичницы, я помотал головой и спросил её:

– Ты думаешь, что, если поешь, меня на дуэли убьют?

– Конечно, нет! – слабо улыбнулась Катерина. – Просто кусок не лезет, как подумаю...

Я отправил полную вилку в рот, надкусил хлеба с маслом и принялся жевать. Миланья отмерла и успела развернуться и шагнуть зачем-то, Надя и Клава дружно припали к кружкам. Я же прожевал и мрачно сказал:

– Меня, может, каждый выходной будут вызывать. И наша малышка каждое воскресенье из-за твоих нервов останется голодной?

Катя задумалась, повисла неловкая пауза.

– Ешь, тебе сказали, – проговорил я холодно.

Катя весело на меня посмотрела и смущённо отвела глаза.

Я ведь не шутил с ней ни разу.

– Ну, попробую только, – сказала она виновато.

– И я! – хором молвили Надя и Клава.

– Ой, господи, сейчас! – всполошилась Миланья.

Через минуты перед девушками стояли тарелки с завтраком. Я строго поглядывал на Катерину, и она старалась. У Нади и Клавы получалось лучше, но для первого раза пойдёт. Авдей и Мухаммед, словно ничего не заметили, значит, так и должно быть.

Из-за стола, ничего не сказав, я с охраной направился в прихожую. Молча надели шапки, пальто и шинель и спустились в гараж. Водитель уже ждал у машины, Авдей и Мухаммед, покивав парню, приступили к проверке.

Проехали по городу и за десять минут до назначенного срока встали на обочине за короткой вереницей машин. Неспешно тронулись через заснеженный лес. Не люблю приезжать первым, только не опаздываю.

На неделе снега не выпало, и я узнал на поляне у камня наши следы. Правда, у самого камня уже натоптали ректор, рослый, плечистый дядя, его приятель покомпактнее и двое охранников в дублёнках.

Мы подошли, и я нарочито поздоровался только с Григорием Васильевичем. Генерал представил мужиков. Мой про-

тивник верзилушка, второй его секундант. Первый боярин Куликов, а вообще – какое мне до них дело!

Оппонент отверг предложение извиниться и отозвать вызов, мы взяли револьверы. Верзила отвернулся от камня и даже задницу почесал стволом, а я торжественно пообещал Перуну его кровь.

Отдал Авдею шинель и пошёл на позицию. Притоптали прошлый раз, и снег за неделю слежался, покрылся коркой. Тут главное, не поскользнуться и не провалиться. Мне, обычной комплекции, нужно быть просто осторожным, а противнику не повезло с габаритами.

– Оборачивайтесь! – крикнул второй секундант из укрытия. – Начали!

Я снял пистолет с предохранителя и пошёл к бугаю. Тот спокойно приближается. Блин, скользко как! Рыси как-то ходят по самому тонкому насту, близнецы говорили, но я ведь ещё не рысь...

Всплеск агрессии! Прыжком с тропы долой...

– Бах! – стреляет Куликов.

Шестьдесят метров! Однако...

Ёпте! Проклятый наст, аж копытами кверху!

– Бах! – стреляет оппонент.

Пуля сбивает шапку, закрутив. Я падаю и сразу волчком перекатываюсь в сторону.

– Бах! – пуля взметает снег, где я лежал.

Злость подступает к горлу, вырывается рычанием. Лёжа

на брюхе, я беру врага на прицел – уже какие-то сорок метров! И вовремя остановил движение пальца на крючке. Он лёгким прыжком уходит в сторону и наводит пистолет. Пора снова в перекат...

– Бах! – стреляет бугай.

Пуля ушла в примятый мною снег. Понятно, как он незаметно приблизился. Я падаю, а он почему-то чувствует себя уверенно... ощущение агрессии! Снова в перекат...

– Бах! – рывкнул его револьвер.

Опять злоба и рысий рык. Он у меня на прицеле, но я оста-навливаю палец в последний момент. Амбал прыгает. Одновременно со всплеском его агрессии перекатываюсь.

– Бах!

Уф! Сколько ещё валяться на снегу! А противник ведь потратил уже шесть выстрелов. Он не может палить каждый раз в ответ...

Ёлки! Я ж его как-то заставил стрелять, не открывая огня. Я на него злился, это был звериный всплеск злобы. Ну-ка, попробуем...

Во! Прыгает, но не стреляет. А мы его ещё раз! Снова прыжок и вспышка злобы. В перекат...

– Бах!

Между нами всего двадцать метров, можно сказать, в упор. Но у него всего один выстрел...

– Встань! – орёт он. – Если ты мужик, обменяемся выстреле...

– Бах!

Я поднимаюсь, ухмыльнувшись, а он валится на спину с моей пулей во лбу. Никакой злобы, вообще ничего личного. Не дал я закончить ему пафосную речь и не собирался. Просто убил его – всё, что и было мне нужно.

Иду к нему, опустив револьвер. Точнодохлый. Оборачиваюсь к Авдею – он бредёт ко мне с шинелью. Подобрал шапку и приблизился. Протянул мне сначала пробитую в углу пулей шапку, сказав:

– Теперь береги её. Не всем так везёт.

Я надел шапку и буркнул:

– Давай нож.

Мне показалось, что нехотя он отстегнул с пояса ножны и протянул. Я их взял и для начала обнажил покойнику горло. Ну, так и есть, деревянный амулет в виде оскаленной морды волка! Уже взялся снимать, но Авдей проворчал:

– Брось! Это просто волчий знак.

Я недоумённо повернулся к нему, и он снизошёл до объяснений:

– Враг твой был тотемным волком, я его сразу почуял. Такие знаки получают тотемные воины после испытаний.

– А охрана его тоже волки? – уточнил я.

– Конечно, – сказал Авдей и добавил смущённо. – Может, не надо у него голову?

– Он сам меня вызвал, – ответил я. – И обещал же Перуну. Обидится, если пальчик.

Авдей только грустно вздохнул, и я снова обернулся к трупу врага.

Глава 5

Дома встретили нас без слёз. Даже Миланья не плакала и не крестилась, только смотрела...

Впрочем, не будем придирааться к доброй женщине, прогресс всё равно на лицо. У неё всё впереди.

Катя серьёзно сказала, что для политинформации не осталось времени, тем более я этим должен облопаться в Корпусе, и предложила сразу идти в спортзал. Я с ней согласился, и мы занялись физкультурой.

Пока разогревались, я размышлял, что политики всё-таки немного не хватает. То есть по самой политике я не скучаю, непривычно самому, без руководства инструктора или Кати формировать вообще отношение.

И это всего неделя без политинформации. А как она меня иногда раздражала. Я же действительно считал её отдыхом или потерянным временем. И вот меня этого лишили, и вдруг обнаружилось, что я не знаю просто, что читать. Да и знал бы, сам никогда не стану. Не! Надо кого-то спросить, что случилось в мире за неделю...

Но вот закончилась разминка, и я выкинул всякую чушь из головы. Мне сегодня предстоит поединок на шпагах, потому всё внимание шпагам. Тренируют меня Катя и воины-рыси со всей серьёзностью.

Пока воины не вошли в тотем, нет никаких «туше», и про-

тив опытной рыси в трансе я стою какие-то минуты. Помогают немного уроки чертёжника. Но ведь в том поединке никаких «туше» не будет. Меня просто убьёт этот Бочкин.

Если он тоже тотемный воин, лучше сразу упасть в транс. Но я ведь убил уже волка в воплощении... из пистолета, но тут почти без разницы. Вдруг мой противник окажется чистым магом?

В тотеме доступны лишь известные заранее приёмы, у зверя нет озарений. А я пока выезжаю за счёт анализа и быстрых догадок. Просто не знаю, как быть. Решил только придержать транс до встречи...

И появилось странное чувство, что поединок уже начался. Он всегда был, просто я его не замечал. Этот Бочкин почти не причём, дуэль с ним – только эпизод большого поединка. Началась схватка давно, а когда закончится – на небе скажут.

То есть всё равно ничем хорошим большой поединок не закончится. Ну и ладушки, вот и славно. Я ответил себе на все вопросы, душу наполнило покоем, и кое-что даже стало лучше получаться. Физкультуру я закончил в смирении, стоя на коленях в короткой медитации.

Потом в душ, переодеться в кадетскую повседневку, и собираемся в гостиной. Завязался общий разговор о прошедшей тренировке. Я попросил Авдея и Мухаммеда шапки, например, поправить, если почувствуют в Бочкине тотемного воина.

– Бочкин не тотемный, – уверенно молвил Мухаммед.

– И откуда мы это взяли? – подозрительно спросил я.

– Клань дружат, регулярно проводят встречи, – сухо сказала Клава, и Надя сдержанно добавила. – Мы знаем московских воинов.

Я завис на несколько секунд.

– Так вы всегда знали, что Куликов волк? – вкрадчиво уточнил я.

– Знали, – пожал плечами Авдей. – Нам трудно говорить о своих. И ты не спросил.

– Его бы ничего не спасло, – грустно добавил Мухаммед. – Ему никто не сказал о тебе.

Ну... под таким углом всё выглядит иначе.

– Так вы говорите, что клань регулярно проводит встречи, – сказал я, повеселев. – Но вы ведь никуда не отлучаетесь.

– Сообщают из клана, предлагают подменить, – сказал Авдей. – Просто мы не хотим.

– Нам уже не надо, – снисходительно молвил Мухаммед.

– А если я стану воином-рысью? – воскликнул я.

– С тобой съездим, – скупой улыбнулся Авдей.

Я задумался о новом вопросе, но в гостиную с Миланьей вошёл смущенный военный с папкой в руках. Она сказала, что это курьер из штаба и пора идти обедать. Мы вежливо поздоровались с воином, и повели его в столовую.

Расселись за стол и сосредоточились на еде. Ну, я точно сосредоточился, а от других требовалось только не издавать лишних звуков. После десерта и чаю мы поблагодарили Ми-

ланию, я с Катей повели военного в кабинет, а рыси вернулись в гостиную.

У себя я сидел на столе, а Катя внимала курьеру, сидя в моём кресле. Она давно просит поменять стол на «т»-образный и добавить кресел. Но это ведь мой кабинет, я тут иногда уроки делаю. Так мне казалось уютнее.

Курьер бубнил по памяти и протягивал мне бумаги по одной, а я кивал, подписывал и возвращал обратно. В конце военный доложил о ходе зимних занятий и сообщил о просьбе Бирюкова. Майор не во всём уверен и спрашивает моё мнение об особом отделе штаба, как в ополчении.

Я серьёзно посмотрел на Катю, и она воскликнула:

– Вон до чего у вас дошло!

– Да, у нас всё серьёзно, – строго сказал военный и поспешно поправился. – То есть мы ко всему относимся серьёзно.

– Для уверенности командования... – задумчиво качая ногой, проговорил я. – Можно немного потратиться. Передай Бирюкову, что в целом я согласен... – продолжил я задумчиво качать ногой. – Только к нему подойдёт человек с приветом от меня, детали согласует с ним.

– Просто с приветом? – не понял воин.

– Да, просто, – улыбнулся я. – Не перепутай, я тоже бываю очень серьёзным.

– Слушаю не перепутать! – подскочил побледневший военный.

– У тебя всё? – спросил я. – Тогда счастливо добраться.

– До свидания, – сказала Катя.

– Хорошего дня, – ответил военный и пошёл к выходу.

Он ушёл, и через пять минут я и Катя прошли в гостиную.

Я начал осторожный разговор с рысями:

– Бирюков мой нервничает.

– Всё под контролем клана, – заверил меня Мухаммед.

– Но майор же об этом не знает, – возразил я.

– Командир и не должен всего знать, – сказал Авдей.

– Он не должен нервничать, – молвил я важно.

– Будешь тут нервничать с такими реформами! – проворчала Надя.

– А это уже не нашего ума дело, – строго сказала ей Клава.

Авдей с Мухаммедом тихонько вздохнули и уставились на меня.

– Майор придумал особый отдел, пусть клан пришлёт к нему человека с приветом от меня, – проговорил я небрежно.

– Хорошо, передадим, – ответил Авдей.

И в самое время в гостиную вошла Миланья. Она сказала:

– Звонили из гордумы. Просят приехать и утрясти формальности.

– Спасибо, – проговорил я. – Сейчас и поедем.

Нет! Они сговорились, что ли? Этот Куликов продал мне все свои несельскохозяйственные земли за два дня до своей кончины! И я даже не знал! Катя подписывает бумаги в Епархии по доверенности.

Хотя объективности ради нужно признать, что никто с этим сделать ничего не мог. Допустим, спросил бы я у этого Куликова, не собирается ли он вызвать меня на дуэль, и он мне честно ответил, что да, собирается – это же ещё не повод оказываться от сделки. Всё-таки я плачу гм... не всю реальную стоимость.

Но всё равно ведь гадство какое! Эти благородные бояре продают мне земли, берут мои деньги, а потом стараются меня убить! Паразиты просто, а не бояре! Пришлось забрать его дружину, и с Катей отбирать половину сельскохозяйственных угодий.

Волки отправятся в Китай за новым доблестным боярином, Бирюков или Мирзоев займутся кадрами и имуществом дружины – не одному же мне грустить. Блин, просто зла на этих бояр не хватает!

Даже легко согласился с Катей сходить в храм, помолиться о боярине... э... как его по имени-то...

То есть просто за всех помолиться. Ну и вообще мне снисходительность бога пригодится.

Из церкви Катерина без проблем затащила меня в библиотеку. Хотелось же политики, вот и пожалуйста. Приветливые тётки библиотекари положили на столик передо мною подшивку той же немецкой газеты, выдали мою тетрадку с изображением повешенного Кристофера и ручку. Только Катя в этот раз велела искать статьи Курта Блюменфильда.

Не! А я с чего-то думал, что гаже Криса существа даже в Германии быть не может. Оказывается, недооценивал я немцев, новый урод местами крыл старого. Он хоть немного понимает, как выглядит со стороны? Или считает русских неспособными постичь его язык?

Как и раньше, я честно пытался понять логику этого германца, и на третьем уже его творении почувствовал симптомы размягчения мозга. Крис являлся просто тупой сволочью, а Курт мнил себя интеллектуалом.

Логика в его бреде была, но состояла она из такого количества натяжек, переворачиваний и двойных стандартов, что в ней лучше разберётся специалист по душевным болезням. Если ты не немец, конечно. Вот это вот без отрывки ели пятьдесят тысяч подписчиков – я специально посмотрел выходные данные газеты.

Но я человек ответственный. Раз Катя велела, читал его статьи, и даже кое-что записывал тезисами. Интересно стало, он сам себе верит? Если верит, как с этим умудряется на свете жить? А если на всё плевать хотел, разве не мог найти другого заработка!

В самый разгар моих исследований подошёл Мухаммед, тронул за плечо и сказал:

– Пора.

Я кладу на тетрадь ручку, без звука встаю и иду к дверям. Скосился на Катю, она читает газетную подшивку. Надя и Клава тоже погружены в чтение. Авдей тем временем вышел и, придерживав двери, контролирует проход. Я тихонько выхожу из зала, Мухаммед за мной.

Быстро спускаемся по лестнице. Первым из здания выходит Авдей. В открытые двери иду я, а следом Мухаммед. Идём к парковке и садимся в нашу «Волгу», машина сразу трогается с места.

Я накинул оставленную в салоне шинель и надел шапку. И не то, что замёрз за минуты или в салоне холодно, просто нельзя боярину одеваться на улице, когда всякие его рассматривают. Авдей и Мухаммед надевают пальто в основном потому, что им нельзя будет отвлекаться на одежду.

Теперь больше часа дороги, нужно быть спокойным и терпеливым. Я уже не мальчишка пялиться в окошко или трепать языком. Я боярин и в сопровождении воинов-рысей еду на дуэль. Смотрю строго перед собой и молчу. Сознание само сползает на решение задач со звездой...

Встали на обочине за чёрной «Волгой» с до смеха знакомыми номерами, только в салоне никого.

– Жене прямо не запрещается присутствовать, – смущённо сказал Мухаммед.

– Да никто не может ей запретить поклониться Перуну! – проворчал Авдей. – Камень ведь изначально не для дуэлей.

Я подавил вздох и направился в лес. Прошли по известному пути ровным шагом. Ещё не хватало бегать перед схваткой, что я, Катю не видел, что ли? Ну, точно. Стоит у камня и непринуждённо болтает с ректором, а с ней Клава и Надя делают умные лица. Дед снова в генеральском мундире и с фуляром.

Чуть в стороне пара каких-то господ спортивного вида в пальто и шапках притаптывают на морозце и мирно беседуют. У одного из них точно подошвы с шипами, а я в простых кадетских ботинках. Господ явно охраняют два высоких парня в одинаковых дублёнках. Они нас сразу заметили и нахмурились, а оба цивильных даже не повернули к нам голов.

Мы спокойно приблизились к ректору. Обращаюсь подчёркнуто только к нему:

– Доброго дня, Григорий Васильевич.

– Ещё раз привет, Артём, – добродушно отозвался он и обратился к Кате и её подружкам. – Вы бы шли уже, девчата. Сейчас тут будет драка.

– Так мы знаем! – заверила его Катерина. – Специально хотим посмотреть. Ведь можно?

Григорий Васильевич строго посмотрел на меня, я сухо сказал:

– Пусть смотрят.

Дед перевёл взор на господ, один из них, что на шипах, развёл руками и весело сказал:

– Ну, коли муж не возражает...

Генерал, кивнув, изрёк:

– А это, Артём, твой противник боярин Бочкин Игорь Иванович, и рядом его секундант Владимир Петрович.

Нетрудно догадаться. Я без выражения просто смотрел на Григория Васильевича. Он обернулся к Бочкину и молвил:

– Тебе предлагается признать за боярином Большовым право давать интервью, кому нравится, и отозвать вызов.

– Нет, – просто сказал Бочкин.

– Вы можете поклониться Перуну! – возвысил старик голос.

Игорь Иванович шутливо сделал камню ладошкой. Я без смущения подошёл к идолу. Поклонился ему до земли и громко сказал:

– Дай мне победу, Перун! И я обещаю тебе кровь врага!

Бочкин кокетливо изобразил аплодисменты. Его секунданту это явно не нравилось, но он лишь поджал губы. Ректор же открыл футляр и провозгласил:

– Клянусь, что шпаги не заговорены, и Артём с ними не знаком. Вызванный выбирает первый!

Ко мне подошла Катя и сказала:

– Давай пока поддержку одежду.

Я бесстрастно вручил ей шинель и шапку и в кадетском мундирчике подошёл к генерал-лейтенанту. Взял верхний

клинок. Мой противник своё пальто и шапку отдал своему секунданту. Под пальто Игорь Иванович надел черный сюртук с жёлтыми поперечными линиями. Блин, тигра и есть! Он шагнул к моему ректору и взял нижний клинок.

– Подойдите друг к другу! – скомандовал Григорий Васильевич.

Мы, подняв шпаги остриями вверх, сблизились на три шага. Наблюдатели отошли от нас.

– Начали! – дал отмашку Владимир Петрович.

Мой враг сразу шагнул назад и в сторону. Ага, слышал, как я убил первого. Я холодно улыбаюсь и дальше себе стою. В моих ботинках по такому снегу особо не побегаешь. А он плавно идёт вокруг, чтобы поставить меня глазами к низкому зимнему солнцу. Переливается рыжими полосами и внимательно на меня смотрит. Что-то чувствует вражина!

Я спокойно поворачиваюсь за ним. Ощущается всплеск, и он делает два быстрых шага вперёд, пытается достать меня шпагой. Я переступаю чуть в сторону, не опуская шпаги, но он сразу отскакивает.

Игорь Иванович снова идёт вокруг, переливается и смотрит. Всплеска нет, и он делает два коротких шага. Но нет удара. Игорь останавливается, внимательно глядя на меня. Я спокойно жду.

Всплеск, он пытается ткнуть меня шпагой, я снова ухожу в сторону, не опустив клинка. Он отскакивает и напряженно на меня смотрит. Ну, что ему ещё неясно?

За все его манёвры я хорошо понимаю, что этому противнику ещё не могу запрещать движения или точки пространства, и видит он меня очень хорошо. Но и он магически меня не превосходит. Придётся драться практически честно...

Почти его не вижу, он всё-таки развернул меня к солнцу. Но отчётливо чувствуется всплеск решимости сильнее предыдущих, и в нём ощущается злость. Опускаю шпагу и начинаю шаг на чувстве и простом расчёте. Противник скрывается с места. Я делаю этот шаг, и остриё летит к его лицу. Он всё понимает, но ум врага быстрее полосатого тела. Успевает чуть повернуть голову, и кончик моей шпаги пробивает его висок. Клинок Бочкина направлен немного мимо, совсем чуточку. Он падает на бок уже мёртвый. Чёрт, глаза слезятся...

– Он умер? – спросила Катя, держа в руках мои шинель и шапку.

– Да, – сказал я, утираясь левой ладонью.

– И что теперь? – уточнила она с волнением.

– Положу на камень шпагу, – пожал я плечами.

– Нет! – возразила Катя. – Отдай клинок Григорию Васильевичу, а ему отрежь голову! Я давно хотела это увидеть! Как ты это сделаешь!

Я вытаращил на неё красные свои глаза и завис на секунду.

– Но ты же беременная! – смог я пролепетать. – Тебе станет плохо!

– Ещё месяца нет! – горячо воскликнула она. – Режь!

Я снова замер в замешательстве. Ко мне подошёл Григорий Васильевич и, отнимая у меня шпагу, молвил сердито:

– Жена же просит! Режь!

Подходит молча Авдей, протягивая рукоятью свой большой нож...

* * *

Сергей Жучирин рано утром в воскресенье сел в Москве в спальный вагон и до обеда в понедельник прибыл в Ригу. Вышел он на перрон с одним саквояжем, в сером пальто и норковой шапке. Не озираясь, с достойной неспешностью прошёл в вокзал.

Сергей не глазел на архитектуру и убранство. Он уже бывал даже в самой Германии и точно знал, что это далеко не Европа. Тем более его, московского мага, в Новгородском княжестве могут понять превратно.

Целенаправленно прошёл на телеграф, где предъявил девушке за стойкой паспорт. На его имя поступила телеграмма от Тани:

«Сообщи, как добрался. Дома всё хорошо, целую».

Серёжа перевёл дух и оплатил ответ:

«Доехал удачно. Тоже целую, Сергей».

Кто бы ему сказал, что он в жизни будет так волноваться из-за какого-то засранца! Смешная штука жизнь. Однако

Таня из светской хроники узнала и ему сообщила, что Артёмка жив, можно смело ехать в Швецию.

Господин Жучирин прошёл к кассам, где спокойно купил билет в первый класс на ближайший пассажирский пароход до Стокгольма. С билетом в кармане он направился к стоянке такси, уселся и велел прямо к морскому вокзалу.

Билет требовалось иметь при себе на случай, если машину остановят. У него ведь только транзитное уведомление, нужно будет объяснить новгородской полиции своё нахождение в городе.

Серёжа с видом бывалого европейца не смотрел по пути в окно на явно нерусские дома. Скучающе уставился перед собой и слушал местного таксиста, как тот на хорошем русском языке рассуждает о политике.

По отличным дорогам доехали без задержек. Он заплатил водителю и сразу пошёл в вокзальный ресторан. Пароход отходил после обеда – наверно, специально так подгадали.

Господин Жучирин скептически разглядывал слишком художественный, как ему казалось, ресторанный зал, поедая приличные и по московским меркам блюда, в ожидании начала рейса.

Сам пароход и каюта Сергею не то, что не понравились, просто они могли бы быть ещё больше и удобнее. Но это же Гардарика. С лицом европейца он кушал в слишком просторном судовом ресторане, дрых на широкой кровати или гулял по широкой палубе, глядя с верхотуры на холодные

волны.

В Стокгольме господин Жучирин сошёл на пирс красивого морского вокзала и снова напомнил себе, что это ещё не Европа. Поселился он в хорошей по местным меркам гостинице и сначала телеграммой дал Танечке свой новый адрес. Потом прошёл в просторный номер, поджав губы, осмотрелся и заказал разговор с Москвой. Не прошло и часу, телефон зазвенел. Девушка на чистеньком русском сообщила, что соединяет, и Сергей услышал долгие гудки.

Трубку взяла Миланья. Она очень ему обрадовалась и попросила пару секунд подождать. Через минуту к аппарату подошла Катерина. После учтивых приветствий Серёжа сказал, что пока в Швеции проверяет заявки на землю, чтоб его не теряли.

Катя сказала, что позвонил Сергей вовремя, она ещё не стала задавать вопросы в Епархии. Однако задерживаться в Швеции не советовала и попросила почаще звонить. Господин Жучирин ответил, что хорошо её понял и простился до следующего разговора, когда он надеется сообщить о возвращении.

Ещё на пароходе Сергей познакомился с прессой королевства, что выходила на русском языке, даже просмотрел рекламу, потому как всякий добропорядочный приезжий из Гардарики позвонил в туристическую фирму. Заказал участие в завтрашней утренней экскурсии по Стокгольму. Ну, приехал он ближе к ужину и на сегодняшний послеобеден-

ный тур никак не успевал.

Господин Жучирин прошёл в гостиничный ресторан и уселся за столик. С видом знатока огляделся и с грустным вздохом решил, что для Стокгольма сойдёт. Тут и подошёл официант.

А когда он поставил на стол тарелки и бутылку вина, к Сергею в компанию подсела местная «скучающая» дама. Пусть уведомление о приезде в Швецию мага начинало действовать только послезавтра, девушка была такая вполне ничего себе, и когда на эти королевства вообще обращали много внимания.

Серёжа угощал девушку, танцевал с нею и увёл к себе в номер. Всего лишь за сто крон, восемь рублей с копейками, не считая ужина. Чуть не пропустил завтрак, спасибо коридорной – напомнила.

Позавтракав в том же ресторане, Сергей вышел из гостиницы и направился пешком к точке сбора. Эти королевства такие маленькие, и гостиница со сборным пунктом находилась в центре города.

Начиналась экскурсия на площади, мимо пройти было трудно. Стоял автобус с логотипами фирмы, и об экскурсии надрывался в мегафон какой-то дядя. Орал он по-русски и по-английски. Русским мужчина владел намного лучше.

Серёжа представился пухлой местной тётке в тёплом пальто и вязанной шапке. Та обрадовалась ему, как родному, и, содрав с него двадцать крон, пригласила в автобус.

Сергей прошёл в салон и уселся из принципа у окна. Автобус поехал по расписанию, гид что-то говорил по-русски и по-английски, советуя посмотреть налево или направо. Но Сергей больше поглядывал на пассажиров.

Примерно половина прибыла из Британии, вторая оказалась соотечественниками. Англичане держались строго и поглядывали холодно, мол, и не такое видели. Никакие скандинавские красоты не могут смутить истинного британца.

Наши же неуверенно улыбались и явно пытались чем-нибудь искренне восхититься. Если таковое находилось, они бурно выражали восторг, но чаще смотрели на экскурсовода с жалостливым вопросом на лицах:

– Как вы тут живёте вообще?

Этим людям ведь обещали настоящую европейскую страну. Они все этим заранее прониклись. А что они видят по факту? Сергей больше соглашался со своими, это всё ещё не Европа.

Автобус часто делал остановки, и гид приглашал туристов выйти ненадолго. Кое-что стоило осмотреть не спеша, ну и прикупить всякого разного. На одной такой остановке Серёжа от группы отстал.

Он пошёл к зданию английского посольства, благо, что до него было ерунда идти. По пути Серёжа ещё раз порадовался факту, что находится у скандинавов. Королевства, конечно, связала Гардарика договорами, но у них всё-таки были короли. И монархи эти подписали международные соглашения.

ния о неприкосновенности дипломатов и дипломатической собственности.

Княжества Гардарики на всё это плевать хотели, они ничего не обещали даже королевствам, и его, Сергея, эти скандинавы выдадут по щелчку. Зато у европейских стран в королевствах были послы и посольства, в которые почти нестрашно заходить.

Значит, вошёл Серёжа в британское посольство и через четверть часа вышел. Никто его не спросил, что там делал подданный Москвы. На самом деле Сергей по-английски написал прошение на частную визу – даже в гостинице такое писать он опасался.

Англичане сказали мистеру Жучирину заглянуть через неделю, и он покинул здание. Ещё немного прогулялся до площади с памятником и магазинчиками для туристов, подождал свой автобус и спокойно влился в маленькую орду соотечественников. Экскурсия же просто накручивала петли вокруг центра, где и располагались достопримечательности.

Со всеми вместе Сергей вернулся в исходную точку. С другими туристами поблагодарил экскурсовода и пошёл в свой отель. Отобедал в ресторане и из своего номера позвонил барону Улле Лундбергу.

Тот оказался дома и подошёл к аппарату. Серёжа начал по-английски, но господин барон на русском с лёгким акцентом попросил не мучить мозг и говорить нормально.

Господин Жучирин по-русски изложил суть вопроса. Ему

нужно своими глазами взглянуть на земли, что предлагаются к продаже, убедиться, что это не пустыри, там расположено некое производство.

Швед Сергею очень обрадовался и сказал, что прямо сейчас готов приехать за ним в гостиницу на своём автомобиле, самое позднее, через полчаса. Он в городке Нортелье, очень близко.

Сергей сказал, что ждёт его в номере. Он принялся проглядывать ежедневную газету из тех, что утром дала ему коридорная. Хотя и писалось по-русски, новости были все больше шведскими, тем более местные журналисты иногда путали падежи.

«Это всё-таки не Европа», – грустил Жучирин.

К счастью в двери постучали до того, как Сергей дочитал газету. На пороге обнаружился усатый господин средних кондиций с голубыми северными глазами, в пальто и вязаной шапке.

После знакомства и приветствий Улле Лундберг предложил всё сразу и осмотреть, благо, что он на машине. Серёжа согласился, быстро надел пальто и норковую шапку, и они вдвоём, спустившись по лестнице, вышли из отеля.

Машина барона вызвала в душе Серёжи усмешку. Бюджетный «Москвич»! Впрочем, Улле им явно дорожил, и Серёжа не стал его обижать. С серьёзным видом уселся на переднее сиденье рядом с бароном.

Ехали сначала по городу, выскочили на шоссе. Хотя по

критериям Москвы это обычная дорога по два ряда в обе стороны, но раз барон сказал, что шоссе, не надо ничего возражать. Дорога ведь без ям и ухабов, и снег с неё убрали.

Страна не выглядела запущенной. По шоссе сновали грузовики и простые машины, там да сям высились заводские трубы, из них даже валил дым. Так же аккуратно выглядели разные леса и озёра, заснеженные поля. Но, к сожалению, всё это не совсем Европа.

По пути господин Жучирин спрашивал барона, как лучше проверить продажу земли юридически. Швеция ведь даже не княжество. Улле же весело говорил, что наоборот, это всё может упростить. Если продажу утвердит совет лёна, Большов станет его членом со всеми вытекающими. Можно продать земли боярину напрямую, а не вносить их в некий фонд.

Сергей помотал головой и честно признался:

– Не совсем тебя понял, друг Улле. Что это меняет?

– Ну, как же! – воскликнул барон. – Если Большов будет входить в один со мной лён, и я его пристрелю на дуэли, половина моих земель мне и вернётся! А другую половину я смогу выкупить у совета, по нашим законам. И это не считая стоимости других его земель!

– Что же ты не вызовешь его без всякой продажи? – тупо спросил Серёжа.

– Нет у меня оснований для вызова, – сокрушённо молвил барон. – Королевствам безразлично его интервью англичанину.

– Тем более не понял, зачем продавать землю! – воскликнул Серёжа.

Улле снисходительно на него покосился и сказал:

– Когда Большов купит землю и войдёт в мой лён, я смогу вызвать его просто за наглую русскую морду.

– Она у него не наглая, – проговорил Жучирин.

– Один пень русская, – хмыкнул Улле. – Ну, я ответил тебе на все вопросы, маг? Смотреть землю будешь?

– Буду, – угрюмо сказал Сергей. – Но я должен сообщить об условиях Артёму.

– Ну, а для чего я тут распинаясь, – проворчал Улле. – Большов, и землю купит, и вызов примет. Он, конечно, совсем не слабак, но застрелить его должен швед.

– Почему швед? – уточнил господин Жучирин.

– Потому что шведы самые крутые из европейцев, – Улле улыбнулся Сергею. – Ведь этот пацан объявил Европе войну!

Сергей надолго замолчал, глядя в окно. Они съехали с шоссе к городку, дорога пошла мимо аккуратных домиков и свернула к явно производственным строениям.

– В управлении посмотришь бумаги, – проговорил барон, въезжая на парковку.

Машина остановилась. Они вышли, хлопнув дверцами. Сергей сделал два шага и почувствовал вдруг, что правая его нога поехала на чём-то скользком. Он грохнулся на спину, раскидав руки. Его ботинок был весь в чём-то липком, мягком и коричневом.

– Европа, блин! – простонал господин Жучирин.

Глава 6

Чёрная «Волга» уносила меня в Корпус. Я сидел на широком диване строгий и не выспавшийся и думал о Кате. Застряла в голове мысль:

– Вот так Катя!

А других мыслей совсем не было. Не выспался ведь. Вчера, как приехали от Перунова камня, она меня ответственно покормила, проследила, чтоб я сделал уроки, и отвела в спальню. Оттого и спать хотелось.

Долго я повторял про себя:

– Ну и Катя! – сурово глядя перед собой.

Пока не надоело. Дорога ведь долгая, устал повторять, стало стыдно. Это я так влияю на Катю, не иначе. Ну, захотелось ей посмотреть на дуэль и голову, мало ли какие фантазии посещают прелестные женские головки. Надо было пенделем под жопу отправить идиотку домой!

Нет, разрешил остаться. Хотел похвастаться? Было всё равно? Злился на неё, что она без спросу туда приехала? Ну и заблевала Катя притоптанный снег вокруг, ректор успел отскочить.

То есть вела себя Катерина как совершенно нормальная девушка. Клава и Надя отвели её в машину пить водичку и чиститься, а я даже не посмотрел на Катю – занят был с трупом боярина Бочкина. Срок же у неё в самом деле малень-

кий.

Но дома! Она как прочитала мои мысли и стала очень строгой. Сурово смотрела, как я ем, и сама поужинала...

А старой Кате кусок бы в горло не полез! Хотя после чистки желудка оно, кажется, нормально?

Значит, покормила меня Катя. Строго смотрела, как я записываю решение заданных упражнений. Сурово отвела в кровать и велела настраиваться на тотемный транс. И... э... я сам не понял, кто, кого поработщает.

Наказал, называется, девочку! Это ж она по будильнику выкинула меня из койки. Тогда я понял только, что ещё отчего-то живой, остальное, как в тумане. Разум нехотя вернулся уже в машине по дороге в Корпус. И стало стыдно. Это точно я плохо влияю на Катеньку...

Машина остановилась у КПП. Авдей и Мухаммед сказали мне вести себя хорошо и пожелали отличных оценок. Я проговорил:

– Спасибо, – и вышел из машины.

«Волга» уехала, началась новая неделя в Корпусе. Я показал военным удостоверение и предписание и повлёкся в учебное здание. Без радости повесил шинель и шапку в раздевалке, уныло притопал в спортзал. И грустно поздоровался с Дементием Архиповичем.

Тот покивал, шнуруя кеды, и по облику его ясно становилось, что по понедельникам ему ложку говна увеличивают вдвое. Или втрое. Или с личным тоже всё непросто. Так или

иначе, чертёжник быстро прибавил мне бодрости и настроил на учебный лад.

Так что уже на физкультуре я ощутил душевный подъём! Даже немного заранее. Идти ведь никуда не надо, радостный я уже стоял переодетый в майку и спортивные трусы и весело встречал своих одноклассников, а первый курс особенно ласково.

В общем, поехали, учебный процесс покатился далее без лишнего скрипа. Вот никуда, вроде, не делись тотемные близнецы, чертёжник, танки, окопы, умные предметы, но если чудеса случаются по расписанию, они теряют всё волшебство.

Только визиты Кати приносили радость по-прежнему, но они лишь во вторник и пятницу, не успеваю привыкнуть. Она смотрела на меня чудными глазами и нежно говорила:
– Вон же галочка, там ещё подпиши!

Советы одолевать я ей уже не помогаю, Катенька в большинстве случаев стала двери ножкой открывать, а в меньшинство с их секретностью я должен являться лично, никому другому они сведения не дают.

Но вот порешил я вечером в воскресенье боярина Бочкина, гордума к тому моменту уже закрылась. Так в обед вторника приехала в Корпус Катя – потребовалась моя подпись на решениях по судьбе его земель и дружины.

Я не стал заостряться на том, что раньше совсем мог в думу не ездить, с Катей же там сидел. Решил только, что,

если дуэли дальше пойдут по одной, буду назначать их на вечер.

А в пятницу она приехала после обеда. Прихватила киношников, они от неё практически не отходили. Что-то боярыня Большова лично им пообещала, что сумела уговорить составить компанию. И приехала не лично ко мне, а на открытие нового тренажёрного класса.

Вообще, там как бы главный был я. Ректор говорил, что вот на средства кадета и по счастливому совпадению боярыня Большова поставили тренажёры танков «Рысь-1». Аппаратов установили в два раза больше, чем раньше, поскольку надо кадетов быстро переучивать на отечественные машины.

Ещё через неделю из моей дружины прибудет два десятка «Рысь-1» самой последней комплектации, и кадеты, получившие на тренажёрах начальные навыки, приступят к учёбе на боевых танках. Первыми будут учить пятый курс, а я там только стоял с серьёзным лицом и важно кивал. Рта попросили совсем не открывать, особенно киношникам ничего не говорить.

Я тогда только смотрел на Катю, и оттого вид у меня получился немного мечтательный. Нам так и не позволили даже поговорить. Дело заняло, примерно, двадцать минут, и я вернулся на начертательную геометрию, где Дементий Архипович наказал за неактивность.

И не сказать ведь, что я ничем не интересовался! Набрался храбрости и спросил пацанов в группе, что в мире проис-

ходит, и что нынче говорят на политинформации.

Насчёт мира парни пожали плечами, приказов на что-то обратить внимание не поступало, а без приказов они по юности лет весь мир на колу вертели. На политинформации же инструкторы говорят, что европейцы все нехорошие, непременно полезут на любимую Гардарику, и кадеты должны к тому постоянно готовиться, прям как молодец я.

То есть правильно я избавлен от политинформации, и так всё знаю. А насчёт мира сам сосредоточился на Гардарике, обратил внимание на недавнюю историю её нерусских княжеств. Ну, как сказать в целом...

Во! Венгрию знаете? Почти тоже самое, только не в Европе. Русские с кочевниками очень дружили и много думали, кого бы им вместе пограбить. Если ничего не придумывалось, шли в Польшу. Но тут какие-то изверги изобрели пулемёт.

С конца прошлого века нерусские княжества от табунного скотоводства и другого сельского хозяйства ударились в индустриализацию. Они имели в советах немалый вес и продавали строительство энергетики и разной инфраструктуры.

Замашек своих совсем не оставили. Поскольку стройка требовала инвестиций и безопасности, а они знали лишь один способ всего этого достигнуть. Ну, там история сложная, русские княжества тоже участвовали.

Главное, что на границах Гардарики, или совсем никого не осталось, или возникли крепкие государственные образо-

вания. Они и в Гардарику просятся, но эти жлобы и куркули ограничиваются двухсторонними соглашениями. Княжества никому из-за слов ничего не дадут и на грошик.

Сейчас нерусские княжества в развитии обошли большинство русских, и почти на равных с Рязанью, Новгородом и Москвой. Однако явных аутсайдеров нет, все идут плотным табуном, и положение в советах зыбкое. В основном выручают королевства и Восточное Царство – в полном единстве все им помогают, чем могут.

Этот вопрос я прояснил в четверг вечером – сделал после ужина самостоятельную работу, и осталось немного времени для истории. Но вот закончилась суматошная пятница. Записал я последнюю задачу, закрыл тетрадь и хотел уже идти спать. Завтра ведь суббота, и с Катей целый вечер.

Но тут в пустой класс входит кузен Миша. Он опять подошёл ко мне и пожал руку. Миша долго не хотел ко мне подходить, но тут случай особый. Он просто должен был прийти и сказать, что все парни с третьего курса за меня. На этом Миша традиционно оставил на столе «Московский еженедельник» и ушёл.

Очень хотелось послать подальше Мишу, парней с третьего курса и газету. Но как же я усну после такого вступления? Взял в руки еженедельник. На первой странице Князь Москвы объяснял, что его не так поняли. Ну, календарный месяц закончился, может разместить новую статью.

Мне аж стало интересно, князь совсем дурак? Мало то-

го, что своими статейками он делает газете тираж, так ещё и ввязывается в заведомо проигрышную дискуссию. Редакция ведь на его статью поместит три издевательских ответа.

Насколько князь просто дурак, а насколько психует, интересно мне стало теоретически – писанину его секретарей я пропустил. Новости Гардарики просмотрел по диагонали...

Вот! Ещё придурки, только поменьше князя титулом! Заявление знатного московского боярина и целого академика, не пожелавшего общаться с журналистом, он изволил высказаться сам.

Значит, я не просто плод худого образования, я воплощаю в себе худшие черты Гардарики – самовлюблённость, косность, нежелание слушать и готовность воевать с несогласными.

Ведь никто не станет спорить, что многое в Гардарике нужно пересмотреть? И чем дольше княжества стоят на старине, тем больше неприязни это вызывает в Европе! Пусть лично он за мирное решение любых конфликтов, но в возникновении противостояния со всем прогрессивным миром более всего склонен винить меня и таких как я.

Я не задумываюсь о причинах конфликта, мне нужно только вооружаться. Европейцы что-то мне говорят? Они могут говорить, что угодно, но во-о-он из-за той черты вдали от меня. Если заступят, пусть пеняют на себя, я уже настроен убивать. Мне безразличны любые слова, я хочу только ещё больше оружия!

Потом шли фото королей и премьер-министров Европы. Кто ещё не видит необходимости обсуждать с этими европейцами что угодно на свете? Кто готов встать в строй с оружием, чтобы эти европейцы оставались за чертой? Кто хочет ещё больше оружия?

Так вот, по мнению этого боярина, всё только из-за вас! Этот боярин и Князь Москвы с этими конкретными европейцами давно бы договорились о вашей судьбе, если бы не ваша дикость!

Этот боярин ладно. Он от большого ума живёт в идеальном мире, и его построения подходят для идеальных людей. Но его коллега взялся поговорить с матёрым журналистом о реальности. Даже потом ответы подписал!

И только прочитав в газете собственное интервью, стал понимать, какое же он напыщенное ничтожество, и как на самом деле паскудно относится к людям. Журналист его крутил и вертел, как хотел. Не замечая того, бедняга по нескольку раз менял позицию. Лично я откровенно улыбался – ржать в голосину в Корпусе нельзя, сразу вызовут санитаров.

Замечу, что от себя редакция ничего в конце не добавила. За ненадобностью. Поместила фото глубокомысленного боярина с воздетым пальцем. В эпоху интернета это стало бы мемом.

Далее шёл отчёт майора Бирюкова о боевой подготовке с упором на снег и низкие температуры. Разные фото: Бойцы

на заснеженных позициях с пулемётом станковым. С ручным пулемётом. Пушки, броневики и танки. Не хватает самолётов, но это явно не мой профиль.

На другой странице ответ моей Кати ректору Корпуса. Георгий Васильевич в прошлом номере накатал целую статью! Впрочем, из ответа можно догадаться, о чём – о военном образовании.

Боярыня Большова с ним полностью соглашалась и пока собиралась поставить в Корпус тренажёры новых танков и сами танки. По запросу ректора дружина готова передать Корпусу любую свою технику и оружие.

Но это точно только начало решения проблем. Ведь в Гардарике не один кадетский Корпус. И училищ тоже хватает, многие из которых, вообще, лётные. Или связи. Вот представители указанных организаций приглашаются к обсуждению на страницах газеты и в общественном движении «Отчизна».

Я смущённо почесал щёку – ненароком узнал название своего движения. Ничего название, но пафосу! Хотя что-то менять, наверное, уже поздно. С грустным вздохом я перевернул страницу...

И увидел статью другого кадета нашего Корпуса. Костя Гаев только поступил, закончил первый семестр, и у него умер папа. Инфаркт. Папу жалко, а за Костю порадуемся – он стал московским боярином.

Вот только закончился по папе приличный траур, Костя

связался с редактором газеты и при его помощи составил данное заявление.

Костя считает меня в чём-то правым, где-то он со мной не согласен. Так боярин Большов приглашает всех выпускников Корпуса к себе в дружину. Боярин Гаев тоже подал приглашение на всех, чтобы у ребят был выбор.

И вообще он резко против, когда без выбора, или все на одного! Артём уже каждый выходной принимает по две дуэли! Князь вообще своей головой думает, к чему это может привести?! Артёма же могут убить!

И не только ему, Косте, жалко Тёму. А если его поддержат из других княжеств? Тогда что, гражданская война? Или Артёма не поддержат князья, а простой народ выскажется за него – тогда бунт?

Ему, Косте, не хочется говорить о покойных дурно. Может, кто уже был на дуэли с Артёмом, так хотели его поддержать материально. Способ экстравагантный, но мало ли.

Он, Костя, так же не хочет плохо думать о тех, кто только собирается вызвать или вызвал Артёма и встал в очередь. Но он, боярин Москвы Константин Гаев всякого, кто убьёт боярина Артёма Большова, объявляет выродком, подонком и грязной тварью.

Когда Артёма убьёт какая-то мразь, он, Костя, просто впишет имя животного и повторно назовёт убийцу выродком, подонком и грязной тварью. Этому существу просто придётся вызвать Костю Гаева. И Костя его убьёт, если есть спра-

ведливость на свете.

Мдя. Миша, скорей всего, имел в виду именно статью Кости. Вот почему кадеты так любят мелодрамы? Хотя спасибо Мише, оно может оказаться важным. Этот Костя красавчик и герой, но он же может испортить мне весь бизнес!

С одной стороны просто юный дурачок, полный всяких благородных порывов. Но с другой же целый боярин. Писульку его поместили в газете. Редактора понять нетрудно – лучше уж он, чем другой подлец. И поместил почти в самом конце. Всё равно это нужно показать Кате.

Приняв это решение, я отправился спать. Потом учебная суббота. То да сё, в итоге вспомнить нечего. Я стою после учёбы на плацу в общем строю и сгораю от стыда. Моё имя снова в списке кадетов, лишённых отпуска.

Решать меньше задач со звездой я не стал, показатели старые. Но ведь, пока я с рыжими близнецами в трансе звенел шпагами, ребята на дополнительных часах не ерундой страдают.

Одни только рефераты и рецензии приносят баллы. А если дуэли закончатся? Надо с этим что-то думать. И срочно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.